

H. P. Tappan

Иван Федорович Горбунов

Сцены из народного быта

В настоящее издание вошли избранные юмористические произведения знаменитого писателя XIX века Ивана Федоровича Горбунова.

Актер Горбунов совершал многочисленные поездки по России. Он создал эстрадный жанр устного рассказа, породил многочисленных последователей, литературных и сценических двойников. В настоящее издание вошли избранные юмористические произведения знаменитого писателя XIX века Ивана Федоровича Горбунова.

Содержание

Затмение солнца Сцена из московского захолустья	0006
У пушки	0011
Воздухоплаватель Сцена	0013
Мастеровой	0017
У квартального надзирателя	0019
У мирового судьи	0026
Развеселое житье Сцена	0030
Жестокие нравы	0035
Просто случай	0039
С широкой масленицей Сцены	0054
«Спрятался месяц за тучи» Монолог	0062
В деньгах счастье	0065
Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности Рассказ	0069
Тенериф Рассказ купца	0075
Травиата Рассказ купца	0079
Об Саре Бернар	0083
Нана Рассказ купца	0093
На почтовой станции	0099
Громом убило Деревенские сцены	0102
Безответный	0106
Лес Сцены из народного быта	0110
Дьявольское наваждение	0122
Медведь Рассказ	0129

Утопленник Сцена из народной жизни	0162
На реке Сцена из народного быта	0175
Послесловие Неподражаемый рассказчик .	0195
Примечания	0226

Иван Горбунов
Сцены из народного быта

Затмение солнца

Сцена из московского захолустья[1]

- **Ч**то это за народ собрамши?
- Бог их знает... с утра стоят.
- Не насчет ли солонины?
- Какой солонины?
- Да ведь как же: этот хозяин кормил фабрику солониной, но только теперича эту самую солонину запечатали, потому есть ее нет никакой возможности.
- Это вы насчет солонины-то? Нет, уж он им три ведра поставил: распечатали, опять жрут...
- Да, уж эта солонина!..
- Что это за народ собрамши?
- Разно говорят: кто говорит – на небе неладно, кто говорит – купец повесился...
- А мы из Нижнего ехали... пьяные... Едем мы, пьяные, и сейчас эта комета прямо к нам в тарантас... инда хмель соскочил! Я говорю: «Петр Семенов, смотри!» «Я, говорит, уж давно вижу», а сам так и трясется...

– Затрясешься, коли, значит... богу ежели что... Все мы люди, все человеки...

– «Не оборотить ли, говорит, нам назад?» – «Бог милостив, говорю, от судьбы не уйдешь, давай лучше выпьем, а она, матушка, может стороной пройдет. Хвост уж очень разителен!.. Такой хвост, я тебе доложу, что просто...»

– Грехи наши тяжкие... Слаб есть человек! Вот хоть бы теперь! Этакое наказание божеское, а сколько народу пьяного.

– Без этого нельзя: иной опасается, а другой так опосля вчерашнего поправляется.

– Нет, вы докажите!

– И докажу!

– Одно ваше невежество!

– Извольте говорить, мы слушаем. Вы говорите...

– Я вас очень хорошо знаю: вы – московский мещанин и больше ничего!

– Оченно это может быть, а вы про затмение докажите. Вы только народ в сумнение привели!.. Из-за ваших пустых слов теперича этакое собрание!.. Городовой! Городовой!..

– Вот он тебе покажет затмение!..

- Да, наш городской никого не помилует!
- Докажите!
- Живем мы тихо, смирно, благородно, а вы тут пришли – всех взбудоражили.
- Хозяйка наша в баню поехала и сейчас спрашивает: «Зачем народ собирается?» А кучер-то, дурак, и ляпни: «Затмения небесного дожидаются...» Сырой-то женщине!..
- Образование!
- Так та и покатила! Домой под руки потащили...
- Он с утра здесь путается. Спервоначально зашел в трактир и стал эти свои слова говорить. «Теперича, говорит, земля вертится», а Иван Ильич как свистнет его в ухо... «Разве мы, говорит, на вертушке живем?»
- Дикая ваша сторона, дикая!..
- Мы довольны, слава тебе, господи!..
- Господин, проходите!
- Барин, ступай лучше, откуда пришел, а то мы тебе лопатки назад скрутим...
- Смотри-ко, что народу подваливает.
- Горяченькие пирожки! У меня со вкусом! Так и кипят!
- Что это за народ собрамши?

– Вон пьяный какой-то выскочил из трактиру, наставил трубочку на солнышко, говорит – затмение будет.

– А где же городской-то?

– Чай пить пошел.

– Надо бы в часть свести.

– Сведут, это уж беспрерывно...

– За такие дела не похвалят.

– Все в трубочку глядит; может, что и есть.

– У нас на Капказе, на правом фланге, у ротного командира во какая труба была... все наскрозь видно... Ночью ли, днем ли, как наставит – шабаш: что-нибудь да есть.

– Начало затмения! Вот, вот, вот... Сейчас, сейчас, сейчас...

– А вот и городской идет.

– Сейчас выручит!

– Вот, господин городской, теперича этот человек...

– Осади назад!

– Теперича этот человек...

– Неизвестный он нам человек...

– Позвольте, спервоначалу здесь был... вышел он, примерно, из трактира... но только народ, известно, глупый... и стал сейчас...

– Не наваливайте... которые!.. Осадите назад!

– Иван Павлыч, ты наш телохранитель, выручи! Выпил я за свои деньги...

– Вы тогда поймете, когда в диске будет.

– Почтенный, вы за это ответите!

– За что?

– А вот за это слово ваше нехорошее.

– Выскочил он из трактира...

– Сейчас затмится!

– Может, и затмится, а вы, господин, пожалуйста в участок. Этого дела так оставить нельзя.

– Как возможно!

– Может, хозяйка-то наша теперича на тот свет убралась по твоей милости.

– Хотел на божью планиду, а попал в часть...

– На Капказе бы за это...

– Сколько этого глупого народу на свете!..

«Еженедельное новое время» № 6–7, 1879 г.

У пушки[2]

- Ребята, вот так пушка!
- Да!..
- Уж очень, сейчас умереть, большая!..
- Большая!..
- А что, ежели теперича эту самую пушку, к примеру, зарядят да пальнут...
- Да!
- Особливо, ядром зарядят.
- Ядром ловко, а ежели бонбой, ребята, – лучше.
- Нет, ядром лучше!
- Да бонбой дальше.
- Все одно, что ядро, что бонба!
- О, дурак-черт! Чай ядро – особь статья, а бонба – особь статья.
- Ну, что врешь-то!
- Вестимо! Ядро теперича зарядят, прижгут – оно и летит.
- А бонба?
- Чаво бонба?
- Ну, ты говоришь – ядро летит... а бонба?
- А бонба другое.
- Да чаво другое-то?

– Бонбу ежели, как ее вставят, так-то... ту-
да.

– Так что же?

– Бонбу...

– Ну?...

– Вставят... и ежели оттеда...

– Чаво оттеда?...

– Ничаво, а как собственно... Пошел к чер-
ту!

*«Общезанимательный вестник» № 13,
1857 г .*

Воздухоплаватель

Сцена

Около воздушного шара толпа народа.

– Скоро полетит?

– Не можем знать, сударь. С самых вечерен надувают; раздуть, говорят, невозможно.

– А чем это, братцы, его надувают?

– Должно, кислотой какой... Без кислоты тут ничего не сделаешь.

– А как он полетит – с человеком?

– С человеком... Сам немец полетит, а с им портной.

– Портной?!

– Портной нанялся лететь... Купцы наняли...

– Портной!

– Пьяной?

– Нет, черезвый, как следоват.

– Портной!.. Зачем же он летит?

– Запутался человек, ну и летит. Вестимо, от хорошего житья не полетишь, а значит, за-вертелся...

– Мать его там, старушка, у ворот стоит

плачет... «На кого ты, говорит, меня оставляешь?» – «Ничего, говорит, матушка, слетаю, опосля тебе лучше будет. Знать, говорит, мне судьба такая, чтобы, значит, лететь».

– Давай мне теперича, при бедности моей, тысячу целковых да скажи: Петров, лети!..

– Полетишь?

– Я-то?

– Ты-то?

– Ни за что! Первое дело – мне и здесь хорошо, а второе дело – ежели теперича этот портной летит, самый он выходит пустой человек... Пустой человек!.. Я теперича осьмушечку выпил, бог даст – другую выпью и третью, может, по грехам моим... а лететь мы несогласны. Так ли я говорю? Несогласны!

– Где же теперича этот самый портной?

– А вон ему купцы водки подносят.

– Купец ублаготворит, особливо ежели сам выпивши.

– Все пьяные... Уж они его угощали и целовать пробовали – все делали. А один говорит: «Ежели, бог даст, благополучно прилетишь, я тебя не забуду».

– Идет, идет... Портной идет...

- Кто?
- Посторонись, братцы...
- Портной идет...
- Это он самый и есть?
- Он самый...
- Летишь?
- Летим, прощайте.
- Нас прости, Христа ради, милый человек.
- Прощай, брат! Кланяйся там... Несчаст-
ный ты человек, вот я тебе что скажу! Мать
плачет, а ты летишь... Ты хошь бы подпоясал-
ся...
- Это дело наше...
- Но только ежели этот пузырь ваш лоп-
нет, и как ты оттедова турманом... в лучшем
виде... только пятки засверкают...
- Смотри-ка, братцы, купцы его под руки
повели, сейчас, должно, сажать его *будут*.
- Ты что за человек?...
- Портной...
- Какой портной?
- Портной с Покровки, от Гусева. Купцы
его лететь наняли.
- Лететь! Гриненко, сведи его в часть.
- Помилуйте...

«Я те полечу! Гриненко?... Извольте видеть!.. Лететь!.. Гриненко, возьми...

– Поволокли!..

– Полетел голубчик!

– Да за этакие дела...

– Народ-то уж очень избаловался, придумывает, что чудней!..

– Что это, мошенника повели?

– Нет, сударь, портного...

– Что же, украл он что?

– Никак нет, сударь. Он, извольте видеть... бедный он человек... и купцы его наняли, чтобы сейчас, значит, в шару лететь.

– На воздушях...

– А квартальному это обидно показалось...

– Потому – беспорядок...

– Летит, братцы, летит... Трогай!..

– И как это возможно без начальства лететь?!

Сборник «Складчина», 1874 г.

Мастеровой[3]

(Мастеровой пришел к своему хозяину сказать, что он женится),

– Что ты?

– Да я, Кузьма Петрович, к вашей милости...

– Что?

– Так как, значит, очень благодарны вашей милостью... почему что сызмальства у вас обиход имеем...

– Так что же?

– Ничаво-с! Теперича я, значит, в цветущих летах... матушку, выходит, схоронил...

– Ну, царство небесное.

– Вестимо, царство небесное, Кузьма Петрович... московское дело... за гульбой пойдешь...

– Да что ж ты лясы-то все точишь?

– Известно, какое наше дело...

– Денег, что ли?

– Благодарим покорно. Туточка вот у Гужонкина ундер живет... у него, значит, сторож...

– Да.

- А она и его дочь...
- Ну?
- В прачешной должности состоит и портному обучена...
- Тебе-то какое же дело?
- То есть... выходит... по своему делу, а он его... сторож...
- Так тебе-то что же?
- Законным браком хотим.
- Ну, так женись.
- То-то. Я вашей милости доложить пришел.

«Общезанамательный вестник» № I. 1857 г.

У квартального надзирателя [4]

*Квартальный надзиратель.
Григорьев, его слуга.
Купец.
Иван Ананьев, фабричный.*

Квартальный надзиратель (*сидит утром в канцелярии и читает бумаги*). «А посему Московская управа благочиния[5]...» Григорьев!

Григорьев. Чого звольте, ваше благородие?

Квартальный надзиратель. Вели приготовить селедку с яблоками.

Григорьев. Слушаю, ваше благородие.

Квартальный надзиратель (*читает*). «Навести надлежащие справки...»

Купец входит.

Квартальный надзиратель (*оборачиваясь*). Кто тут?

Купец. Это, батюшка, я-с.

Квартальный надзиратель. Что за человек?

Купец. Я здешний обыватель.

Квартальный надзиратель. Что тебе нужно?

Купец. Я к вам, батюшка, со всепокорнейшею просьбой.

Квартальный надзиратель. Например?

Купец. У меня есть до вас, батюшка, казусное дело.

Квартальный надзиратель. Казусное? Какого роду?

Купец. Дело, батюшка, вот какого роду, не бессудьте, ваше благородие, позвольте вам для домашнего обиходу три рублика...

Квартальный надзиратель, Прошу вас садиться.

Купец. Постоим, ваше благородие... Постоить можем...

Квартальный надзиратель. Какое ваше дело?

Купец. Небезызвестно вашей милости, что у меня в вашем фартале находится дом и деревянным забором обнесенный...

Квартальный надзиратель. Да.

Купец. В оном самом доме у меня производится фабрика, ткут разные материи.

Квартальный надзиратель. Потом?

Купец. Был я, сударь...

Квартальный надзиратель. Садитесь, садитесь...

Купец. Ничего-с. Был я, сударь, в субботу в городе, да маленько, признаться, замешкамышись... Бегу из городу-то почитай что бегом, думаю, хозяйка ждет по семейному делу, чай пить...

Квартальный надзиратель. Ну да, дело семейное...

Купец. А на фабрике у меня есть крестьянин Иван Ананьев...

Квартальный надзиратель. Что же, он пьян, что ли, напился?... Буйство, что ли, какое наделал?

Купец. Это бы, сударь, ничего, это при ем бы и осталось; он у меня украл срезку.

Квартальный надзиратель. Что такое – срезку?

Купец. А это, выходит, как ежели теперича, собственно, материя, которая, значит, по нашему делу...

Квартальный надзиратель. Понял!

Купец. Я ему говорю: «Иван Ананьев, пойдем к фартальному». – «Я-ста, говорит, твоего

фартального не боюсь».

Квартальный надзиратель. Как так? Григорьев!..

Купец. Я говорю: «Как не боишься? Всякий благородный человек ударит тебя по морде и ты ничего не поделаешь, а наипаче фартальный надзиратель...»

Квартальный надзиратель. Григорьев!

Купец. Ведь оно, ваше благородие, нашему брату без сумления кажинную вещь пропустить нельзя, почему что всего капиталу решишься.

Квартальный надзиратель. Григорьев!

Купец. Опять же говорю, что фартальный у нас якобы, значит... примерно... выходит...

Григорьев, потом Иван Ананьев.

Григорьев. Чого звольте, ваше благородие?

Квартальный надзиратель. Дурак.

Григорьев. Слушаю, ваше благородие!

Квартальный надзиратель. Дай мне сюда Ивана Ананьева.

Григорьев (*отворяя дверь*). Кондратьев! И де вин тут Иван Ананьев?... Который? Давай его к барину... Иван Ананьев!..

Иван Ананьев входит.

Квартальный надзиратель. Как тебя зовут?

Иван Ананьев. Сейчас умереть, не брал.

Квартальный надзиратель. Чего?

Иван Ананьев. Не могу знать чего.

Квартальный надзиратель. Отправь его в частный дом.

Иван Ананьев. Кузьма Петрович только мораль на меня пускает, почему что как я ни в каком художестве не замечен...

Квартальный надзиратель. Возьми его!

Григорьев. Кондратьев!..

Купец. Благодарим покорно. Больше ничего не требуется?

Квартальный надзиратель. Там в канцелярии напишите объяснение.

Купец. Слушаю. *(Уходит.)*

Квартальный надзиратель. Григорьев!

Григорьев. Чого звольте, ваше благородие?

Квартальный надзиратель. Дай мне мундир.

Григорьев. Да вин увесь в пятнах, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Как?!

Григорьев. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. А можно их

вывести?

Григорьев. Можно, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Чем?

Григорьев. Не могу знать.

Квартальный надзиратель. Я думаю, скипидаром.

Григорьев. И я думаю, що скипидаром.

Квартальный надзиратель. Да ведь вонять будет...

Григорьев. Вонять будет, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. А может, не будет.

Григорьев. Ничего не будет, ваше благородие... *(Приносит обратно.)* Готов, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Что?

Григорьев. Ничего.

Квартальный надзиратель. Воняет?

Григорьев. Воняет, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Скверно.

Григорьев. Скверно, ваше благородие.

Квартальный надзиратель. Да ведь, я думаю, незаметно.

Григорьев. И я думаю, що незаметно. Звольте надевать.

«Общезанимательный вестник» № 1.
1857 г.

У мирового судьи

Комната мирового судьи, перед столом
стоят два приказчика из Апраксина двора.

Мировой судья. Вы обвиняетесь в том, что
в гостинице «Ягодка» вымазали горчицей ли-
цо трактирному служителю...

Первый. Бушевали мы – это точно.

Мировой судья. Разбили зеркало...

Первый. За все за это заплачено и маль-
чишке дадено, что следует.

Мировой судья. Так вы признаете себя ви-
новным?

Первый. Какая же в этом есть моя вина?...
Ежели я за свои деньги...

Мировой судья. Вы вместе были?

Второй. Так точно!..

Мировой судья. Признаете себя винов-
ным?

Второй. Никак нет-с!

Мировой судья. В протоколе написано, что
вы...

Второй. Что ж, я за два двугривенных ка-
кой угодно протокол напишу.

Мировой судья. Вы так не выражайтесь.

Второй. Тут выраженьев никаких нет.

Мировой судья. Расскажите, как дело было.

Свидетель. Про которые они про деньги говорят, я их не получал. А что как они пришли и, между прочим, выпимши, и сейчас приказали, чтобы селянку и большой графин, а опосля того бутылку хересу. Как сейчас выпили, так и закуражились.

Первый. Ежели я тебе лицо мазал...

Мировой судья. Молчите.

Первый. Как угодно, только он все врет...

Защитник. Позвольте предложить свидетелю вопрос.

Мировой судья. Вы кто такой?

Защитник. В качестве защитника.

Мировой судья. После.

Свидетель. Сейчас закуражились и сейчас стали меня терзать.

Мировой судья. Как терзать?

Свидетель. За волосы.

Мировой судья. Кто из них?

Свидетель. Вот они.

Первый. Собственно, все это пустяки.

Защитник. Позвольте предложить вопрос свидетелю.

Мировой судья. Я вам сказал, что после.

Свидетель. Ну, опосля того мазать меня горчицей стали. Гость один говорит: «Что вы, господа купцы, безобразничаєте?» А они говорят: «Мы за свои деньги».

Мировой судья. Так это было?

Первый. Может, я был очень выпимши, не помню. А что ежели и смазали маленько – беды тут большой нет; если бы мы его скипидаром смазали... опять и деньги мы за это заплатили. Коли угодно, виноватым я буду.

Мировой судья. А вы?

Второй. Мы остаемся при своем показании.

Защитник. Теперь можно защитнику?

Мировой судья. Можно.

Защитник. Господин мировой судья! Чистосердечное раскаяние, принесенное в суде, на основании нового законоположения, ослабляет... Закон разрешает вам по внутреннему убеждению, а потому я прошу вас судить моего доверителя по внутреннему убеждению. Я отвергаю здесь всякое преступление. Я долго служил в Управе благо...

Мировой судья. Позвольте, господин за-

щитник. Вы в каком виде?

Защитник. Чего-с?

Мировой судья. Вы в каком виде пришли сюда?

Защитник. В каком-с?

Мировой судья. Я вас штрафую тремя рублями. Извольте выйти вон.

Защитник: Скоро, справедливо и милостиво!

«Сцены из народного быта», 1874 г.

Развеселое житье

Сцена

Купец. Наслышаны мы об вас, милостивый государь, что, например, ежели что у мирового – сейчас вы можете человека опра-
вить.

Адвокат. А у вас дело есть?

Купец. Дело, собственно, неважное, пустяки, выходит... Не мы первые, не мы последние... известно, глупость наша...

Адвокат. Скандал сделали?

Купец. Шум легонькой промежду нас был.

Адвокат. В публичном месте?

Купец. Как следует... при всей публике.

Адвокат. Нехорошо!

Купец. Действительно, хорошего мало.

Адвокат. Где же это было?

Купец. На Владимирской... такое заведение там прилажено.

Адвокат. В «Орфеуме»?

Купец. В этом самом. *(Молчание.)* Ежели я теперича, милостивый государь, человека ударю, что мне за это полагается?

Адвокат. В тюрьме сидеть.

Купец. Так-с!.. Долго?

Адвокат. Смотря как... недели три... месяца...

Купец. А ежели я купец, например, гильдию плачу.

Адвокат. Тогда дольше: месяца два, а то и три.

Купец. Конфуз!.. *(Молчание.)* А ежели он с своей стороны тоже действовал и очень даже... можно сказать, сокрушить хотел?

Адвокат. Да расскажите мне все, что было. Садитесь. Расскажите по порядку.

Купец. Порядок известный – напились и пошли чертить. Вот извольте видеть: собралось нас, примерно, целое общество, компания. Ну, а в нашем звании, известно, разговору без напитку не бывает, да и разговор наш нескладный. Вот собрались в Коммерческую, ошарашили два графина, на шампанское пошли. А шампанское теперича какое? Одно только ему звание шампанское, а такой состав пьем – смерть! Глаз выворачивает!.. Который непривычный человек, этим ежели делом не занимается, с одной бутылки на стену

лезет.

Адвокат. А не пить нельзя?

Купец. Для восторгу пьем. Больше делать нечего. Ну, заправились как должно – поехали. Путались-путались по Санкт-Петербургу-то, метались-метались – в «Эльдорадо» приехали. Опять та же статья, сизнова... Поехали по домам-то, один из нашего обчества и говорит: «Давайте, говорит, прощальный карамболь[6] сделаем, разгонную бутылку выпьем, чтобы все чувствовали, что мы за люди есть». Сейчас на Владимирскую. Мыслей-то уж в голове нет, стыда этого тоже, только стараешься как бы все чудней, чтобы публика над тобой тешилась. Набрали этого самого женского сословия – там его видимо-невидимо, – угощать стали. Угощали-угощали – безобразничать. Подошел какой-то, – не то господин, не то писарь: «Нешто, говорит, так с дамами возможно? Это, говорит, ваше одно необразование». Кто-то с краю из нашей компании сидел, как свистнет его: «Вот, говорит, наше какое образование». Так тот и покатился. Ну, и пошло!.. Вся эта нация завизжала! Кто кричит – полицию, кто кричит – бей!

Адвокат. А вы били кого-нибудь?

Купец. Раза два смазал кого-то... подвернулся.

Адвокат. Прежде вы за буйство не судились?

Купец. При всей публике?

Адвокат. Да, у мирового судьи?

Купец. У квартального раза два судился прежде. тогда проще было: дашь, бывало, письмоводителю – и кончено. А теперича и дороже стало, и страму больше. Адвокат. Сраму больше.

Купец. В газетах не обозначат?

Адвокат. Напечатают.

Купец. А ежели, например, пожертвовать на богадельню или куда?

Адвокат. Ничего не поможет.

Купец. Беспременно уж, значит, сидеть?

Адвокат. Я думаю.

Купец. Все одно, как простой человек, с арестантами?

Адвокат. Да.

Купец. Из-за пустого дела!.. Хлопчи вот теперь, траться. Сейчас был тоже у одного адвоката, три синеньких[7] отдал.

Адвокат. За что?

Купец. За разговор. «Я, говорит, твое дело выслушаю, только мне, говорит, за это пятнадцать рублей и деньги сейчас». Ну, отдал, рассказал все как следует...

Адвокат. Что же он?

Купец. Взял он эти деньги: «Уповай, говорит, на бога».

Адвокат. И больше ничего?

Купец. Ничего! «Уповай, говорит, на бога», – и шабаш!

«Сцены из народного быта», 1874 г.

Жестокие нравы

Васенька, молодой купец, щеголевато одетый, белокурый, выражение лица тупое.

Настенька, его жена, красавица, лет 19.

Настенька. Вася, да полно же, наконец! Ведь это ужасно скучно!

Васенька. А мне весело!

Настенька. Приятно, что ли, терпеть твое безобразие-то? Два месяца как женился и ни одной почти ночи даже не ночевал.

Васенька. Как ни одной? Третьего дня не ночевал, это точно. Ну, сегодня...

Настенька. Ну, вот сегодня: в котором ты часу приехал?

Васенька. В раннюю обедню. На Болвановке[8] ударили, как я подъехал. У Никона Никоньча стражение было и засиделись.

Настенька. Какое сражение?

Васенька. Обыкновенно какое – в трынку [9] играли. После на тройке сделали... у Натрускина цыган послушали. Все честь-честью, как следует. Дай только бог, чтобы это не в

последний раз в сей нашей кратковременной жизни.

Настенька. Ну уж и жизнь!.. Господи!

Васенька. Тяжелая! Так вчерашнего числа наша компания лики свои растушевала, такие на них колера навела, даже до невозможности. До саней-то насилу доползли.

Настенька. И ты так говоришь об этом спокойно.

Васенька. Что ж, плакать, что ли? Ну, напились, что за важность! Мадера такая попалась... В нее не влезешь: черт их знает, из чего они ее составляют. Пьешь... ничего, а как встал – кусаться хочется. Обозначено на ярлыке «Экстра», этикет утвержден, ну и давай. После к «Яру»[10] заезжали. Иван Гаврилович певицу чуть не убил.

Настенька. Фу, какая гадость!

Васенька. Ничего, тут нет особенного, целоваться лез, а та препятствовала. Счастья своего не понимала. Поцеловала бы раз, другой – сотенная и в кармане.

Настенька *(с отвращением)*. Тьфу!

Васенька. Да и человека-то острамила: протокол составили, к мировому потащут.

Настенька. Ах, как я рада!

Васенька. Чему радоваться-то? С человеком несчастье, а она радуется. Ежели у него такой характер?

Настенька. Обижать женщину?

Васенька. Да какая в этом есть обида? За свои деньги...

Настенька (*с упреком*). Вася, зачем ты женился?

Васенька. Что ж, мне вред, что ли, от этого? Окромя удовольствия, ничего!

Настенька. А мне-то какое удовольствие?

Васенька (*поет*).

*Что мне до шумного света,
Что мне друзья и враги...*

Обожаю! Растопится твое сердце... Да полно плакать ты, дура!

Что мне до шумного света...

Настенька. Скоро же твоя любовь прошла...

Васенька. Да она не проходила. Разве в этом любовь состоит, чтобы дома сидеть. Любовь в том состоит – взвился теперь, закружился, выпил что следует, удовольствовался

свою душу – домой! Все у тебя тихо, смиренно,
хорошо. Вот это любовь!

Настенька. Да я-то при чем же тут?

Васенька.

*Что мне до шумного света,
Что мне друзья и враги...*

Теперь бы хорошо моченького яблочка.
Душа после вчерашнего ноет. Порфирий, ска-
жи бабушке, чтобы моченых яблочек...

После 1881 г.

Просто случай

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Петрович Вихров, купец, 50 лет.

Настасья Климовна, его жена.

Дарья Спиридоновна, двоюродная сестра его.

Акулина Андреевна, купчиха, вдова.

Петр Амосович, обедневший купец, проживающий в доме Вихрова.

Щурков, неопределенная личность.

Кухарка в доме Вихрова.

ЯВЛЕНИЕ I

Настасья Климовна сидит за столом и плачет. Дарья Спиридоновна входит.

Настасья Климовна. А уж я, матушка, за тобой посылать хотела.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, сестрица? Что с вами?

Настасья Климовна. Нужна ты мне больно. Садись-ка.

Дарья Спиридоновна. Крестник вам кланяется, сестринька. Ведь уж он у нас, сестрица, на покров стал дыбочек стоять... А я все эти дни-то измучилась, сестринька. Ведь у меня

внизу жилец третий месяц ни копейки не платит.

Настасья Климовна. Что твое горе, кумушка!.. Моего-то ты горя не знаешь.

Дарья Спиридоновна *(с удивлением)*. Да что у вас такое?

Настасья Климовна *(сквозь слезы)*. Ведь Иван-то Петрович четвертый день домой глаз не показывает.

Дарья Спиридоновна. Что вы? Да как же это?

Настасья Климовна. Так. Уехал к городо-
му[11] да вот...

Дарья Спиридоновна. На своей лошади-то?

Настасья Климовна. На своей. Да и лошади-то нет. Бог знает, что с ним делается теперь. *(Плачет.)*

Дарья Спиридоновна. Что ж вы так убиваетесь-то, сестрица? Его дело мужское: может, что и нужное делает.

Настасья Климовна. И ведь никогда с ним этого не было. Вот двадцать лет живем – впервой такая оказия.

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, на картах разложили.

Настасья Климовна. Раскладывала, да ничего не действует. Веришь ли богу, кумушка, вся душенька-то у меня выболела. Чего-чего уж я не придумала: и убили-то его, и утонул-то он, и с Ивана Великого как не упали...

Дарья Спиридоновна. Что это вы какая мнительная! Молоденький, что ли, он?... Пойдет он на Ивана Великого!.. Его и на парадное крыльцо ведут под руки...

Настасья Климовна. Да ведь все может быть... Вот нонче сон опять какой страшный...

Дарья Спиридоновна. А вы что видели, сестрица?

Настасья Климовна. Ох!.. Вот вишь ты: будто бы я стою на горе...

Дарья Спиридоновна. Да-с.

Настасья Климовна. Только будто бы Иван-то Петрович пьяный-распьяный стоит да на меня пальцем грозит.

Дарья Спиридоновна. Ишь, страсти какие!

Настасья Климовна. А лошадь-то будто бы...

Дарья Спиридоновна. Вы бы, сестрица, к

Ивану Яковлевичу съездили. Я к нему за всяким делом хожу. Вот, бывало, мой покойник запьет – я и к нему. Бывало, только и спросишь: «Иван Яковлевич, что будет рабу Симиону?» Сейчас скажет алн так на бумажке напишет. Настасья Климовна. Боюсь я одного, кумушка, как он да нехристианскою смертью помер-то» *(Плачет.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Акулина Андреевна.

Настасья Климовна. Матушка, Акулина Андреевна, не знаешь ты моего горя... не пожалеешь ты меня...

Акулина Андреевна. Пожалела бы я тебя, когда бы не так глупа была.

Настасья Климовна *(вскакивая со стула)*. Да вы разве, голубка, слышали что?

Акулина Андреевна. Это вот ты тут на боку-то лежишь, а я все документы разведала.

Настасья Климовна *(бросаясь к ней)*. Матушка, успокой ты меня, скажи, что с ним сделалось? Какой он смертью-то помер?

Акулина Андреевна. Еще он нас с тобой переживет... Да кабы на мой ндрав такие дела, да я бы его... На что это похоже? Пристало ли

старику?...

Настасья Климовна. Да где же он?

Акулина Андреевна. Да у меня волос дыбом стал, как мне сказали... И ты дура будешь, если не сделаешь по-моему. Да я бы из его бороды весь пух выщипала! Он, матушка ты моя, не тебе будь сказано, изволит в Марьиной роще с цыганками...

Настасья Климовна. Ах!..

Акулина Андреевна. Все с себя пропил. Лошадь-то ваша теперь в депе, вчера в депо взяли: пьяный Тимошка задавил кого-то.

Дарья Спиридоновна. Что это вы, Акулина Андреевна, во сне или к зубам? Да разве братец пьет?

Акулина Андреевна. Уж молчи, коли тебя бог обидел...» Потакай пьяницам-то. Твой таковой же сокол был, вспомни-ка, сколько раз...

Дарья Спиридоновна. Уж вы всегда бедных-то людей...

Акулина Андреевна. Да ты роли-то не представляй! *(Обращаясь к Настасье Климовне.)* Ну, что ты, матушка, стоишь-то? Одевайся. Тащи его домой да опозорь его хорошенько, да в бороду-то ему наплюй при всем чест-

ном народе, чтоб он блажь-то в голову не запускал.

Дарья Спиридоновна. Что ж, сестрица, поезжайте! Может, с братцем, в самом деле, какое несчастье; он вас-то скорей послушает.

Настасья Климовна. А ну, как он да без нас сюда приедет?!

Акулина Андреевна. Точи лясы-то! *(Берет ее за руку и уводит.)*

ЯВЛЕНИЕ III

Кухарка *(из дверей)*. Что, матушка, искать поехали? Да уж где найтить! Ты, Спиридоновна, этому не дивуйся: это он от ней и бедствует-то. Я, матушка, у господ жила, да такой май-то не привидывала. Бывало, барыня прикажет тебе распорядиться там, а эта день-деньской торчит все в кухне да по горшкам нюхает. А ругаться-то пойдет... да я такой обидчицы в жизнь мою не привидывала! И такая-то ты, и сякая-то ты... тьфу! Ведь у них, матушка, за что дело-то вышло: намедни сидят они так-то за чаем, а она ему все в уши: «Пиши, говорит, духовную: не ровен час – померешь, меня по миру пустишь». А он так-то залился слезами: «Да что ж, говорит, ужли те-

бе, говорит, моей смерти пожелалось?...» Уж она у нас, матушка, такая клятая; у них и род-то весь такой. Вот когда сестра ее придет, семь разов в день самовар поставишь...

Дарья Спиридоновна. Вижу, красавица, сама вижу, какие она с ним язвы-то делает. Уж она испокон веку такая мытарка была, через ее милость и мы в бедность произошли. Это братца бог наказывает за то, что он родных не послушал, против нашей воли женился. Мы ему тогда говорили: «Погодите, братец, мы вам худа не желаем, свет-то ведь не клином сошелся, мы вам найдем невесту богатую, из хорошего рода». – «Нет, говорит, не могу с своим сердцем управиться». Вот теперь и управляйся!

Кухарка. Да она, должно, приворожила его.

Дарья Спиридоновна. Нет, матушка, ему судьба такая, его опутали. Взял-то он ее в одном платьишке; обул, одел ее, салопов ей разных нашил. Как поступила она в богатство-то – и давай мудровать! И то не так, и другое не так. Иван-то Петрович терпел-терпел, да с горя-то, должно быть, и запил.

Кухарка. Э!

Дарья Спиридоновна. Так мы, матушка, и обмерли! Да четыре года после этой оказии и курил. Чего-чего тогда с ним – не делали, чем-чем не лечили...

Кухарка. Как же остановили-то?

Дарья Спиридоновна. А вот, вишь ты. Сидим мы так-то раз да и плачем. «Экое, – я говорю, – нашему роду пострамление!» А молодая-то хозяйюшка стоит перед зеркалом да ломается. Я и говорю: «Что это, говорю, Настасья Климовна, неужели на тебе креста-то нет! Мы, говорю, все в таком несчастьи находимся, а тебе и горюшка мало!» Она этак вывернулась ферттом. «Мне-ста, говорит, что за дело? Я его не неволю пить-то...» Такое-то меня зло взяло! Я с сердцов-то и наступила на нее. «Да от кого ж он, говорю, пьет-то? Ты, говорю, в наш дом несчастье принесла!» Только мы кричим, а Иван-то Петрович что-то и застучал. Я к двери-то, думаю – не помер ли. А он, матушка ты моя, ходит по горнице да все руками отмахивается... так-то все отмахивает... Махал, махал, да как грохнется!.. И сделался вот, надо быть, мертвый. Как очнулся-то, и говорит: «Мне, говорит, было видение». Я и го-

ворю: «Какое же вам, братец, было видение?» – «Не велено, говорит, сказывать. Все, говорит, можно сказать, только одного слова нельзя говорить».

Кухарка. Да, вот тоже, как я у господ жила, так барской камардин так-то помер, – запил тоже, да на другой день и очнулся. Стали его допрашивать, – все сказал, только одного слова недопросили.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Амосович.

Амосович. Что, матушка, не слышать ли чего?

Дарья Спиридоновна. Ах, Амосыч, пропала наша головушка! Ведь запил!

Амосович. В такую, знать, компанию попал... в пьющую... Эхма! Слабостям-то мы, матушка, больно подвержены; тешим плоть свою на сем свете, а об часе-то смертном не подумаем. А ведь окаянному это на руку: он в те поры так за нами и ходит, так в греховные узы-то нас и опутывает.

Дарья Спиридоновна. Давно я тебя не видала, Петр Амосыч. Что дочка-то твоя?

Амосович. Ничего... живет. Видел намедни

в соборе. Хотел было подойти, да боюсь – огорчишь, ведь барыня; против других совестно будет, вишь я какой! А то вот зимой-то ходил с ангелом поздравить, да на глаза-то не приняла. «Гостей, говорит, много». Посидел там у них в кухне, погрелся. Спасибо, кухарка у них такая добрая, рюмочку поднесла да обедать с собою посадила... А экономка с лакеем двугривенничек выслала... все добрые люди, матушка. Вот теперь хоть бы Иван Петрович: фа-терку мне дает, все у меня свое тепло есть, а то, зимнее-то дело, ложись да помирай. Что говорить, матушка, не легко есть чужой хлеб, коли сам народ кормил... Совестно, матушка! Иной раз пораздумаешься – кусок в горло нейдет...

Дарья Спиридоновна. Что ж вы у дочери-то не живете? Неужели на ней креста-то нет, что она вас на старости и согреть не хочет? Неужели она не боится божеского наказания?

Амосович. Ну, бог с ней! Ведь бог все видит!.. Отец и денно и ночью пекся об ней, а она против родителя... Захотелось вишь благородной, барыней быть захотелось!.. Ведь она, матушка, без моего благословения с ба-

рином под венец-то пошла. *(Плачет.)* Да я ей, матушка, и то простил. Я ей все отдал, все, что еще старики накопили, я ей отдал. На, дочка, живи да нашу старость покой, а она... ну, бог с ней! Ты подумай, матушка, кабы я пьяница был...

За сценой голос Ивана Петровича: «В гостях хорошо, а дома лучше».

ЯВЛЕНИЕ V

Вихров очень навеселе и Щурков.

Вихров, (входя)

*Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отвори-ка ворота.*

Вот мы к тебе вся компания!

Амосович. Эх, Иван Петрович, на старости ты лет...

Вихров. Что ты мне можешь препятствовать? Вон сейчас! Ты моей милостью на свете живешь. Я тебя с лица земного сотру! Вон!

Дарья Спиридоновна. Ее нет, братец.

Вихров. А, сестрица любезная! А где жена?

Дарья Спиридоновна. Ее нет, братец.

Вихров. Зачем же ты на мои глаза показалась?

Дарья Спиридоновна. Я навестить вас пришла, братец.

Вихров. Ладно, ступай в свое место. (*Обращаясь к Щуркову.*) Ну, ты, прощальга! Представляй киятры.

Щурков. Это можно-с, только гитарки-то нет-с.

ЯВЛЕНИЕ VI

Настасья Климовна (*вбегают*). Да что это ты, батюшка, вздумал на старости лет крамбольничать-то?

Вихров. Молчать! Ходи в страхе! Топну ногой – понимай, что значит.

Настасья Климовна (*к Щуркову*). Ты что за человек?

Вихров. Гони его в шею – это грабитель.

Щурков. В гости звали, да и гнать-с!

Вихров. Сволочь! Вот как мы об тебе понимаем. (*Опускает голову на стол.*)

Настасья Климовна. Вон, вон!..

Щурков. Конечно, сударыня, средства мои не позволяют мне быть хорошо одетым, но и в несчастном положении я сохранил благородные чувства. Конечно, благодетель мой в таком виде и отрекомендовали меня...

Настасья Климовна. Ступай, ступай!

Щурков. Позвольте мне, как благородному человеку, просить рюмку водки.

Настасья Климовна. Да с чего ты взял? Пришел в чужой дом незванный и непрошенный...

Щурков. В таком случае позвольте мне с вами проститься».

Настасья Климовна. Прощай, батюшка, ничего...

Амосович. Ступай, коли говорят, ступай...

Щурков подходит к Настасье Климовне и протягивает ей руку.

Настасья Климовна. Это ты что еще выдумал?

Щурков. Я уважаю вас как строгую женщину, а потому прошу позволения поцеловать вашу руку.

Настасья Климовна. Нет, батюшка, мы отродясь такими делами не занимаемся.

Щурков. Как вам угодно-с. Впрочем, если вам не будет составлять беспокойства, позвольте мне рюмку водки.

Настасья Климовна. Вон!

Щурков медленно уходит.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, без Щуркова, Вихров (подымая голову). А где мои гости? Давай нам музыку. Аленка, валяй вприсядку.

*Ты, Настасья, ты, Настасья,
Отворяй-ка ворота...*

Настасья Климовна. Опомнись, Иван Петрович...

Вихров. Прочь! Где моя подруга жизни?

Настасья Климовна. Досталось твоей подруге-то жизни; тебя бы...

Вихров. Меня? Не смей!.. Меня грабить!.. Я загулял, а меня грабить!.. Дарья Спиридоновна, я в Марьину рощу попал, а за что они меня били? Деньги были мои... три тысячи серебром денег-то было..., За что они меня били?...

Все. Кто же тебя бил-то?

Вихров. Все меня били!.. Тимошка, ты хочешь лошадь пропить, потому хозяин этого чувствовать не может... Врешь!.. Меня ограбили!.. Меня ядом напоили, я помереть должен!.. Я пропащий человек! За что они меня били?... Цыганка... она меня у... уду... удушить

хотела... За что они меня били? (Опускает голову на стол.)

Дарья Спиридоновна. Должно быть, сестрица, и впрямь его опутали.

Настасья Климовна. За что же они его били-то?

Амосович. Такая уж компания... пьющая!

Дарья Спиридоновна. Да ничего, сестрица. С моим покойником часто бывали такие оказии-то. Пройдет!

«Отечественные записки» На 9, 1855 г.

С широкой масленицей Сцены

(Сцена представляет трактир в московском захолустье. За столом сидят купцы, мещане, мастеровые и т. п.)

– С широкой масленицей имею честь поздравить!

– И вас также.

– Масленица – сила большая! Наскрозь всю империю произойди – всякий ее почитает. Хотя она не праздник, а больше всякого праздника. Теперича народ так закрутится, так завертится – давай только ему ходу!.. Сторонись, пироги: блины пришли! Кушай душе на утешенье, поминай своих родителей!

– Да, уж именно... увеселенье публике большое!..

– Вчера наш хозяин уже разрешение сделал: часу до четвертого ночи портером восхищались.

– Православные, с широкой масленицей! Дай бог всем! Теперича масленица, опосля того покаяние! Ежели, примерно, воровал али

что хуже – во всем покаемся и сейчас сызнова начнем. Все люди, все человеки! Трудно, а бог милостив! Мне бы теперь кисленького чего... я бы, может, человек был...

– Бедный я человек, неимуций гражданчик, можно сказать – горе горецкое, а блинков поел!.. Благодарю моего господа бога! Так поел, кажется...

– Дорвался!

– Дорвался! Верное твое слово – дорвался. Штук тридцать без передышки! Инда в глазах помутилось!..

– Что ж, ведь обиды ты никому не сделал...

– Кухарку, может, обидел, заставил стараться, а то никого...

– Семен Иваныч, блины изволили кушать?

– Да я крещеный человек аль нет? Эх ты... образов вание!..

– Что у вас: сюжет насчет масленицы? Так я вам могу доложить, что супротив прежних годов обстоятельства ее очень изменились, и ежели где справляют ее по-настоящему, так это у папы римского, но только, между прочим, заместо блинов конфеты едят.

– Тьфу! Разве может конфета против блина

выстоять?

– Блин покруче конфеты; как возможно!.. Конфете с человеком того не сделать, что блин делает.

– Блин, ежели он хороший, толстый да его есть без разума, – об душе задумаешься.

– Человеком! Иному ничего, ешь его только с чистым сердцем.

– Я больше со сметаной обожаю...

– И сейчас это папа римский выдет на балкон, благословит публику с широкой масленицей, и сейчас все начнут действовать, кто как умеет: которые колесом ходят, которые песни поют, которые на гитаре стараются, а которые в уме помутятся – мукой в публику кидают, и обиды от этого никому нет, потому всем разрешение, чтобы как чудней. Огни разложат... Превосходно...

– В старину и у нас было весело. Идешь, бывало, по улице-то – чувствуешь, что она, матушка, на дворе... Воздух совсем другой: так тебя блинами и обдает, так тебя и обхватывает... На последних-то днях одурь возьмет... Постом-то не скоро и на путь истинный попадешь...

– После хорошей масленицы человек не вдруг очувствоваться может: и лик исказится, и все...

– С широкой масленицей! Можно мастеровому человеку себе отвагу дать? Господа купцы, есть я мастеровой человек и, значит, трудящийся... Можно ему? Какой мне от вас ответ будет? Вот вы и не знаете... А я вам сейчас предьясню... Масленица для всех приустановлена. Видите! И значит, я должен все порядки соблюсти. Верно я говорю? Наскрозь всю масленицу! Без купцов нам жить невозможно, голубчики... Не осудите меня. Запили заплаты, загуляли лоскутки...

– В балаганах-то теперь стон стоит...

– Уж теперь народ сорвался...

– И что значит этот блин... лепешка и больше ничего. А вот ежели нет его на масленице – словно бы человек сам не свой.

– Уж бедный который и тот...

– Семен! Графинчик да поподжаристей пятачок, только чтоб зарумянил хорошенько.

– А ведь за масленицу-то одолеют эти блины... Мы с понедельника благословились...

– У нас, бабушка, вперемежку: день блины

да день оладьи – оно и не так чувствительно.

– У меня к блинам больше пристрастия. Снеток, ежели хороший...

– С луком тоже прекрасно... Глазками его нарезать... аромат...

– У нас Домна Степановна кадушку-то сперва-наперво холодной водой сполоснет, положит муку-то да молитвы начнет шептать, так у ней блин-то... Господи!.. Так сам тебе в душу и лезет. В понедельник архимандрита угощали. «Ну, говорит, Домна Степановна, постный я человек, а возношу вам мою благодарность». А дьякон только вздыхал...

– От хорошего блина глаза выскочат. А вот я посмотрю на господ... Какие они к блинам робкие: штуки четыре съест и сейчас отстанет...

– Кишка не выдерживает!

– Наш лекарь Василий Петрович сказывал: «Кто ежели, говорит, мозгами часто шевелит, значит, по книгам доходит али выдумывает что – тому блины, вред. Потому, говорит, разнесет человека, распучит, воздуху забрать в себя не может, ну, и конечно, действоваться уж и не может...»

– А вот мы не думамши живем, а, слава тебе господи, не хуже других! И капитал скопировали и народ по своим достаткам кормим... Богу он за нас молит. И какое есть нам от бога положение – блины, все прочее...

– У нас без сумления...

– Да об чем сумлеваться-то? Один раз живем.

– Маланья Егоровна по корпусу-то своему – свинья суцая, едва ходит, с лестницы под руки водят, а какой ум в себе имеет. Намедни протопопу какое слово брякнула. Камилавку снял. «Ну, говорит, мнение ваше необыкновенное...» А ведь никаких книг не читала и ни об чем никогда не думала, а уж, значит, бог вложил... Любопытно это, с учителем она вчера за блинами, сцепилась насчет разговору. Тот говорит: «У вас, говорит, в помышлении все насчет еды...» А она говорит: «Мы, говорит, творим еже предуставлено. Как старики наши жили, так и мы живем. Вы, говорит, кушайте во славу божию, коли епекит у вас есть, а нашим порядкам не мешайте. Вы, говорит, молодой человек, а я в Киеве была, и у Соловецкого сподобилась...» Тот прикусил

язык-то да так и остался.

– Оборвать следовало. Человек за блинами, плоть этого требует, а он с пустыми словами.

– Слова самые пустые, нестоящие... Человеку надо раздышаться, тогда с ним говори...

– Бывало, теперешнее дело, под Новинским стон стоит...

– Мелок народ стал...

– То есть, так народ измельчал, хуже быть нельзя...

– Под другие нации больше патрафляют... От роди-гелев-то какие порядки заведены, бросили, а в новых-то запутались. Форму-то, значит, потеряли: купец не купец, барин не барин, а так, примерно...

– Всё одно – ничего.

– Верно ваше слово – ничего! Оттого и масленицы настоящей нет и соблюдать ее некому.

– Ваше степенство, мы соблюдаем! Видите... До последнего грошика все пропил... Вот что значит московский мещанин!.. Вы души нашей не знаете... У нас душа вот какая – графин на стол... Живо!.. Запили заплаты, загуляли лоскутки...

«Новое время», 6 февраля 1882 г.

«Спрятался месяц за тучи» Монолог

Вот она, жизнь-то моя, какая! Капиталу много, а тоски и еще больше! (Поет.)

*Спрятался месяц за тучи,
Больше не хочет гулять.*

Кабы в этом разе цыганов не было – помирать бы пришлось. Фараоны,[12] в линию! Коккрады, по местам!

*Спрятался-месяц за тучи,
Больше не хочет гулять.*

За любовь претерпел! Так нашего брата, дурака, и надо. Отдай деньги, да и пошел прочь! Поцелуй пробой, да ступай домой. То есть так обидно, кажется... Фараоны! Веселую!

Ай береза, ты моя береза!

Иду я довольно равнодушно по улице, никого не трогаю, смотрю: из окна высунулась барышня... Словно она меня кипятком ошпарила. Тут, думаю, вся моя гибель!.. Все свои глупости бросил, только по три раза на день в

цирульную завиваться ходил, на лик красоту наводил. Собаку ихнюю приучил, чтобы не лаяла, а с кухаркой дружбу завел, чтобы записки носила. Путался, путался – надоело: сваху подослал. Приняли меня отличнейшим манером. Дяденька ихний стал со мной в трынку играть, а маменька с дочкой на фортопьянах меня учить, а опосля того маменька приказали дом в голубую окрасить. «Очень я, говорит, нежный цвет люблю». Что этой слякоти сродственников повылезало – все на мой счет. Жри! Купец заплатит!.. Порешили – опосля ярманки свадьба. Проводили меня в Нижний честь-честью. Маменька два раза плакать принималась, спирт для воодушевления нюхала. Такая в Нижнем-то меня тоска взяла; подойду к буфету-то, посмотрю, как бутылки стоят, да и прочь – боялся сорваться на прежнее положение. Насилу дотерпел до конца ярманки. Приехал в Москву, завился и сейчас к невесте. Не дождались меня – за поверенного выдали! Как чумовой я бросился в Грузины, да две недели без просыпу там и орудовал. От коньяку шею свело!.. Два протокола составили! В тюрьме сидел за безобра-

зие! В сером пальте ходил! Одно только тепе-
рича и осталось... Фараоны, в линию! Коно-
крады» по местам...

*Спрятался месяц за тучки,
Больше не хочет гулять...»*

«Нива» № 14 1874 г.

В деньгах счастье

Говорят, – «не в деньгах счастье», а это, по нашему рассуждению, пустые бабьи слова: в деньгах все счастье, вся сила в них. Другому, по его положению, цена грош, нестоющий он никакого внимания, а ежели ему такая фортуна выдет: к хозяину в выручку хорошо слазит или другой какой оборот фальшивый сделает, – ему сейчас и цена высокая. Да вот на моей памяти случай был: хозяйская дочь мальчика, без роду, без племени, с улицы в дом привела, грамоте его обучила, а как стал подрастать, сейчас его к должности определила, спервоначалу хозяйские сапоги чистить аль там салопы в театре стеречь, а после к лавке приставили. Смотрим, паренек выходит шустрый; за получкой ежели небольшой к покупателю пошлешь, – из души вытянет. И такое ему дал бог насчет этого понятие, как с покупателя деньги стребовать, даже нам было удивительно!.. Выровнялся паренек и стал во всей форме, хозяева стали его с собой за стол сажать, а там и приказчиком сделали. Хозяйка было уж ладила за него дочь отдать –

кривобоконьякая у них она была, никто не брал, – только амбиция купеческая не позволяла: как есть из ничтожных людей, голый мещанин. А тот взял это себе сейчас в понятие и говорит хозяину: «Вся ваша воля, а существовать без вашей дочки я не могу». А та к матери: «Как угодно, говорит, в своем саду на яблоне удавлюсь, если за него не отдадите». Подумали хозяева, со сродственниками посоветовались. Один сродственник и говорит: «Товар, сами видите, не первосортный, за стекло не выставишь. Отдавайте как есть. Вы его благодетели, и будет он для вас стараться. Делать нечего». Обручается раб божий Василий на рабе божией Гликерии... И фукнул через три года этот раб божий Василий своего тестя, раба божия Тарасия, по-родственному, и так фукнул, что от него только пух полетел, и супругу свою назад к родителям прислал. Извольте обратно получить, больше не требуется... убоготворен; промежду арфистками не в пример есть красивее. Обругали его в публике спервоначалу разными словами, а опосля опять в хорошие люди записали. Придет он в клуб, сядет за стол, выставит бутылку

шампанского да, как перепелов, на нее мимоходящую публику и наманивает. «Милости просим стаканчик». – «Покорнейше благодарим, очень приятно». И так превозвысился на хозяйские деньги, благотворительным членом где-то сделался, в депутациях разных стал ходить, слова за обедом говорить, на бег своих рысаков выпускать, в трактире комнату велел на свой вкус отделать, чтоб ему там с арфистками завсегда присутствовать, арапа какого-то заблудящего в холуи нанял, смотри – в банке директором сел. Все около него так и вьются, так и корчатся. Сила! И стал он подчищать этот банк, сначала помаленьку, пока в настоящую делов не распознал, а там пошибче, а там уж и в газетах стали печатать, что в банке дело не чисто, – года два печатали, – а деньги там все подсылали. Кто-то догадался – внезапную назначили. Собралась эта внезапная во французском ресторане, сговорились, как действовать, и налетела в банк. «Пожалуйста книги». – «Извольте получить». – «Позвольте освидетельствовать наличность». – «Мы наличности не касались, мы подписывали; наличностью заведовал Васи-

лий Сергеевич». – «Василий Сергеевич, позвольте наличность». Только нос обтер – вот тебе и наличность... И завизжали вкладчики на двенадцать голосов. Потащили директора в суд. Прокурор говорит; «Расхитил чужую собственность, тяжким трудом и лишениями скопленные бедным народом деньги». Защитник говорит: «Никак невозможно, чтобы человек, сам вышедший из народа, воспитанный в благочестивом купеческом семействе, решился на мошенничество. Тут какое-нибудь недоразумение». Присяжные говорят: «Воровал с полным разумением». Суд говорит: «Лишить его всех особенных прав». А директор себе говорит: «Все права мои при мне» в кармане, а особенных мне не надобно». Свезли его в места не столь отдаленные, и живет он там припеваючи, приговаривая: «Чудесно в сих отдаленных местах жить с деньгами».

«Осколки», № 44 1884 г.

Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности Рассказ

Большая зала. Стол покрыт зеленым сукном. На столе против председательского места изящная малахитовая чернильница и колокольчик; против места членов правления – бумага и карандаши. Зала переполнена публикой. Раздается звонок председателя. Все занимают места.

– Имею честь объявить общее собрание открытым. Первый и главный вопрос, который будет предложен вашему обсуждению, это увеличение содержания трем директорам; второй – сложение с кассира невольных прочетов; третий – предание забвению ввиду стесненного семейного положения неблагоприятного поступка одного члена правления; четвертый – о назначении пенсии супруге лишенного всех особых прав состояния нашего члена; наконец, пятый – о расширении прав правления по личным позаймствованиям из

кассы.

– Ого!

– Что это «ого»? Прошу вас взять назад это «ого». Я не могу допустить никаких «ого». Если вы позволите себе во второй раз делать подобные восклицания, я лишу вас слова. Все эти вопросы существенно необходимы ввиду особых обстоятельств, которые выяснятся из прений. Вам угодно говорить?

– Это я воскликнул «ого», и не с тем, чтобы оскорбить вас. Я сторонник расширения всяких прав и, услышав вопрос о расширении прав правления, воскликнул «ого». Это значило – я доволен.

– В таком случае я беру назад свое замечание.

– Прошу слова. Как ежели директор, хранитель нашего портфеля, обязанный, например, содействовать... и все прочее... А мы, значит, с полным уважением... и ежели теперича директор, можно сказать, лицо... Я к тому говорю: по нашим коммерческим оборотам...

– Вам что угодно сказать?

– Я хочу сказать, когда, например, затрепал Скопинский банк...

– Вы задерживаете прения и ставите их на отвлеченную почву. Нельзя ли вам просто выразиться, так сказать, реально: да или нет.

– Когда, например, разнесли Скопинский банк, ограбили вдов и сирот... может, и теперь сиротские-то слезы не обсохли...

– Все это верно, но эти слезы – область поэзии. Правлению никакого дела нет до сиротских слез. Позвольте вам повторить мое предложение – стать на реальную почву.

– Мы не знаем этой вашей почвы, а грабить не приказано.

– Стало быть, мы грабили? Правление общества обращается с протестом к общему собранию.

Голоса:

– Вон его! Вон!

– Милостивые государи! Я позволил бы себе так понять это столкновение. Почтеннейший член не совсем уяснил себе предложение председателя, не понял, так сказать...

– Как не понять! Я говорил насчет грабежу. У нас от этого правления в одном кармане смеркается, а в другом – заря занимается.

– Господа! Ревизионная комиссия...

– В милютинских лавках устрицы ест ваша ревизионная комиссия.

– Господин председатель, прекратите этот печальный эпизод и позвольте продолжать прения. Я прошу слова. Если провести демаркационную линию между правлением и вкладчиками...

– Милостивые государи! Я прошу, я требую, я настаиваю, чтобы общество выразило порицание члену, оскорбившему нашего председателя.

Голоса:

– Баллотировать! Шарами! Простым вставанием... *(Шум.)*

– Я ставлю вопрос на баллотировку простым вставанием. *(Считает.)* Раз... два... семь... десять. За выражение порицания десять. *(За правленческим столом некоторое смущение.)* Прошу приступить к прениям.

– Милостивые государи! Вопрос об увеличении содержания весьма важен. К важным вопросам нельзя относиться халатно. Я полагаю бы этот вопрос оставить без обсуждения и передать его в комиссию.

Голоса:

– В комиссию! В комиссию!

– Невольные прочеты с кассира взыскать или передать их в ведение прокурорского надзора, а о неблагоприятном поступке одного из членов правления приступить к прениям. Нельзя ли нас познакомить с неблагоприятным поступком члена правления?

– С юридической точки зрения поступок этот... наша юстиция очень резко разграничивает деяния, совершенные...

– Стацил, вот тебе и юстиция...

– Совершенные по злой воле... Принимая во внимание семейное положение...

– Ну, стацил, это верно!

– В терминологии нашей юстиции нет слова – стацил.

– Ну, можно нежнее сказать: украл.

– Господа, где мы и что мы? Нас пригласили в общее собрание и хотят выверотить наши карманы. Нам предлагают увеличить директорам содержание. За что? Нам предлагают прикрыть хищение кассира. Почему? Нас просят предать забвению какой-то мерзкий поступок члена правления. Просят отереть пенсией слезы супруги лишенного прав со-

стояния хищника; наконец, ходатайствуют о расширении прав членов правления...

– Отдай им сундук с деньгами, а они туда тебе вместо их бронзовых векселей наворотят... Чудесно!

– Бронзовые, как вы изволили выразиться, векселя нисколько не отягощают кассу; если... *(Сдержанный смех.)* Позвольте мне докончить...

– Позвольте вас остановить. Бронзовые векселя не имеют ничего общего с предложением об увеличении директорам содержания. А так как этот вопрос довольно прениями исчерпан, то я ставлю его на баллотировку. Не угодно ли вам, милостивые государи, приступить к баллотировке по вопросу об увеличении господам директорам содержания? Предупреждаю вас, что отказ ваш весьма невыгодно повлияет на наше прочно установившееся общество...

Страшный шум. Председатель звонит изо всех сил и закрывает собрание.

«Новое время», 26 февраля 1383 г.

Тенериф

Рассказ купца

Какое вчерашнего числа с нами событие случилось!.. Просто на удивление миру! В нашем купеческом сословии много разных делов происходит, а еще такой операции, так думаю, никогда не бывало... Зашли мы к Москворецкому мосту в погребок. Нам сейчас новый прейскуртант поднесли. Иван Семеныч взял, читает:

«Давно желанное слияние интеллигенции с капиталом в настоящее время уже совершается. Интеллигенция идет навстречу капиталу. Капитал, в свою очередь, не остается чужд взаимности. В этих видах наша фирма настоящего русского шампанского и прочих виноградных вин к предстоящей масленице приготовила новую марку шампанского, небывалую еще в продаже и отличающуюся от других марок своею стойкостью и нектаральным вкусом.
Москворецкий монополь, № 1. Изгустый.

№ 2. Самый изристый, пробка с пружиной. При откупоривании просят остерегаться взрыва.

№ 3. Пли! Свадебное.

№ 4. Нижегородский монополь с красным отливом. Высокий.

В нашем же складе продаются следующие иностранные вина:

Борисоглебская мадера с утвержденным этикетом, местного разлива.

Херес Кашинский в кувшинах – аликан, старый.

Ром Ямайский. Тройной. Жестокий. Тенериф купца Зайцева...»

Вот на tenerиф-то мы и приналегли и так свои лики растушевали, такие колера на них навели, что Иван Семеныч встал да и говорит: «Должен я, говорит, константировать, что все мы пьяные и по этому прейскуранту пить больше нам невозможно, а должны мы искать другого убежища». А сам плачет. Мы испугались, а приказчик: «Не сумлевайтесь, говорит, это от tenerифу: эту марку немногие выдерживают, потому он в чувство вгоняет человека».

Вышли мы, сели на тройку и взвились по-

перек всей Москвы. По сторонам народ так и мечется, не может себе в понятие взять, что, может, вся наша жизнь решается. Городовые свистят... Околоточные озираются... Иван Семеныч плачет навзрыд... Яша кричит ямщику: «Вези прямо к мировому: все равно завтра к нему силой потащат...»

Приехали в Стрельну, сделали там что-то такое, должно быть, нехорошее. Помню, что шум был большой, арфистка плакала, околоточный протокол составлял.

Через три дня – пожалуйста!

Вышел мировой, солидный человек, седой наружности.

– Не угодно ли вам, господа стреленские, сюда к столу пожаловать?

Публика... Срам?...

– Швейцар, расскажите все, как было.

Тот сейчас показывает на меня:

– Они мне, говорит, ухо укусили.

– Не помню, говорю. Да ежели бы и помнил, так неприятно об этом рассказывать. В исступлении ума находился от тенерифу.

– А вы зачем этот тенериф пьете?

– Зачем начальство допускает этот тене-

риф в продажу? Потому от его не токма что ухо, а и человека загрызть можно.

– А он что делал? – показывает на Ивана Семеныча.

– Не могу, говорит, при публике доложить. Все прочие, которые только шумели, а они... просто, говорит, выразить не могу.

Потом писал, писал этот мировой...

– Прошу, говорит, встать.

Все встали.

По указу... там все прочее... На две недели посадил в казенном халате ходить...

Иван Семеныч:

– Ну, а ежели у меня, говорит, две медали на шее?

– Жалко, говорит, вы раньше не сказали: я бы вас на месяц посадил.

Вот тебе и tenerиф! Из-за пустого дела какой срам вышел...

«Осколки» № 6, 1884 г.

Травиата

Рассказ купца

А то раз мы тоже с приказчиком, с Иваном Федоровым, шли мимо каменного театру. Иван Федоров почитал-почитал объявление.

– Понять, говорит, невозможно, потому не нашими словами напечатано. Господин, что на афишке обозначено?

Прочитал. Говорит:

– «Фру-фру».[13]

– В каком, говорим, смысле?

– Это, говорит, на ихнем языке обозначает настоящее дело.

– Так-с! Покорнейше благодарим... Господин городской, вы человек здешний, может, слышали: как нам понимать эту самую «Фру-фру»?

– Ступайте, говорит, в кассу, там все отлепортуют.

Пришли в кассу.

– Пожалуйста два билета, на самый на верх, выше чего быть невозможно.

– На какое представление?

– «Фру-фру».

– Здесь, говорит, опера.

– Все одно, пожалуйста два билета, нам что *хоть* представляй. Иван Федоров, трогай! Ступай!

Пришли мы, сели, а уж тальянские эти самые актера действуют. Сидят, примерно, за столом, закусывают и поют, что им жить очень превосходно, так что лучше требовать нельзя. Сейчас госпожа Патти[14] налила стаканчик красненького, подает господину Канцеляри:[15]

– Выкушайте, милостивый государь.

Тот выпил, да и говорит:

– Очень я в вас влюблен.

– Не может быть!

– Верное слово!

– Ну, так, говорит, извольте идти куда вам требуется, а я сяду, подумаю об своей жизни, потому, говорит, наше дело женское, без оглядки нам невозможно...

Сидит госпожа Патти, думает об своей жизни, входит некоторый человек...

– Я, говорит, сударыня, имени-отчества вашего не знаю, а пришел поговорить насчет

своего парнишки: парнишка мой запутался и у вас скрывается – турните вы его отседа.

– Пожалуйте, говорит, в сад, милостивый государь, на вольном воздухе разговаривать гораздо превосходнее.

Пошли в сад.

– Извольте, говорит, милостивый государь, сейчас я ему такую привилегию напишу, что ходить он ко мне не будет, потому я сама ба-ловства терпеть не могу.

Тут мы вышли в коридор, пожевали яблочка, потому жарко очень, разморило. Оборотили назад-то – я и говорю:

– Иван Федоров, смотри хорошенько.

– Смотрю, говорит.

– К чему клонит?

– А к тому, говорит, клонит, что парнишка пришел к ней в своем невежестве прощения просить.

– Я, говорит, ни в чем непричинен, все дело тятенька напутал.

А та говорит:

– Хоша вы, говорит, меня при всей публике острамили, но при всем том я вас очень люблю! Вот вам мой патрет на память, а я, между

прочим, помереть должна...

Попела еще с полчасика, да богу душу и отдала.

После 1881 г.

Об Саре Бернар[16]

В одном из петербургских клубов, в столовой, сидят несколько человек и ведут беседу.

– Приехала?

– Нет еще, в ожидании. Секретарь ихний приехал, орудует, чтобы как лучше... Книжку сочинил, все там обозначено: какого она звания, по каким землям ездила, какое вино кушает...

– Нашего, должно быть, не употребляет, потому от нашего одна меланхолия, а игры настоящей быть не может.

– По Невскому теперича мальчишки с патретами ее бегают...

– А какая у них игра: куплеты поют али что?...

– Игра разговорная. Очень, говорят, чувствительно делает. Такие поступки производит – на удивление!., Ты то возьми: раз по двенадцати в представление переодевается!..

– Пожалуй, на чугунке встреча будет.

– Уж теперь народ разгорячился! Теперь его не уймешь! Давай ходу!.. Билеты-то вы-

правляли – у конторы три ночи ночевали. Верно говорю: три ночи у конторы народ стоял, словно на святой у заутрени. Насчет телесного сложения, говорят, не совсем, а что игра – на совесть! Убедит! Дарья Семеновна на что уж женщина равнодушная, слов никаких понимать не может, а и та ложу купила.

– Которые ежели непонимающие...

– Да она не за понятием и идет, а больше для бливиру, образованность свою показать. Капитал-то виден, а все прочее-то доказывать надо.

– Сырой-то женщине, словно, не пристало...

– Пущай попрееет, зато говорить будут: «Дарья Семеновна Сару Бернар смотрела». Лестно! Опять и цыганы-то в доме надоели. Ведь сам-то, окромя цыганов, никаких театров переносить не может. Ему чтоб дьякон многолетие сказывал, а цыганы величальную пели. В театре сиди, говорит, сложимши руки – ни выпить тебе по-настоящему, в полную душу, ни развернуться как следует; а цыганы свои люди – командуй, как тебе угодно.

– Ну да ведь не Рашель же, даже и не Ри-

стори!

– Да ведь ты не видал ни ту, ни другую: как же ты можешь судить?

– Нет, видел... То есть, Рашель не видел, а Ристори видел.

– А Сару Бернар не видал: как же ты можешь их сравнивать?

– Да ты прочти...

– Что мне читать!.. Я обеих видел.

– Господа, я вас помирю. Когда здесь была Арну Плесси...

– Это к нашему спору не относится; мало ли кто здесь был. Он не признает Сару Бернар, а для меня она – высшее проявление драматического искусства.

– С вами спорить нельзя...

– Вы бы лучше бутылку велели, чем пустяки-то говорить. Каждый человек на своем месте. Что нам путаться в чужие дела. Давай бутылку...

– Нет, Иван Гаврилович, творчество великое дело!..

– Так что же?

– Поважней бутылки!

– Так ты поди с ним и целуйся, а нам не ме-

шай.

– Я помню, когда Рашель произнесла свое знаменитое «jamaïs», – весь театр дрогнул!..

– В чем это?

– Теперь уж я не помню...

– Завели вы эти темные разговоры, ничего не стоящие. На языках на ихних вы производить не умеете...

– Да ведь вы ходите в итальянскую оперу, а языка не понимаете...

– Так что же! Это я только для семейства порядок соблюдаю. Жене с дочерью требуется, а мне одна тоска. Кабы буфета не было...

– Кабы у нас поменьше буфетов-то было...

– Что ж, ты думаешь – лучше? Буфет на потребу, без него нельзя... Прибежище!.. Все одно – маяк на море...

– Я вам скажу, что Сара Бернар...

– Да что, она тебе родня, что ли? Ну, дай ей бог доброго здоровья!..

– Ах, Иван Гаврилович, милый вы человек, а, извините меня, невежа.

– А ты выпей. Это тебя сократит, может, что поумнее скажешь. Хотя я невежа, это уж так богу угодно, а только я на чести: чего по-

нимать не могу, об там и разговору не имею. Ты, может, четыре рихметики обучил, где ж мне с тобой сладить. Одно осталось – выпить с горя. Прости меня, господи!..

– Да вы не обижайтесь...

– Зачем обижаться...

– Сара Бернар действительно явление! Легко к ней относиться нельзя. Это дочь парижской улицы, как метко и справедливо сказано в одной газете. Ведь недаром же Европа и Америка преклонились перед ее дарованием.

– Пуцай к нам приедет. Наши тоже разберут.

– В самом деле, небывалая вещь: отличный рисовальщик, изумительный скульптор и очаровательная актриса!..

– Вы помните Виардо?

– Она певица была!..

– Виноват, не Виардо, а как ее...

– Фанни Эльслер?

– Не записано ли у вас еще кого-нибудь в вашем поминанье-то? Валяй всех за упокой и за здравие.

– Василий, сходи к повару. Пусть он даст стерлядь à la Сара Бернар...

– Слушаю-с...

– Постой! Спроси у эконома: есть у нас в клубе вино, которое пьет Сара Бернар?

– Публика просто с ума сходит! Представьте, у театральной конторы по целым суткам стоит.

– А вы видели, на Невском показывают женские телеса, разными красками разрисованы? Стечение публики тоже большое. Старичок один подошел к картинке-то, да так и замер. Что, думаю, дедушка, хорошо!..

– Это картина Сухаровского?

– Уж там я не знаю чья, но только... я вам доложу!.. Для набалованного человека, может, великое удовольствие, а для чистой души...

– То есть, такого русопета,[17] как Иван Гаврилович...

– Я верно говорю! Соблазн! Ничего нет хорошего.

– А в Пеште-то она провалилась!

– Кто?

– Сара Бернар.

– Да ведь это газетная сплетня! Это ненависть венгерской прессы к России.

- Что тут общего: Сара Бернар и Россия!..
Что она, русская подданная, что ли?..
- А в Одессе не провалилась! А в Филадельфии не провалилась! Ну, пусть наши сыграют так, как Сара Бернар!..
- Ну, пусть Сара Бернар сыграет так что-нибудь из нашего репертуара...
- Повар не знает, как приготовить стерлядь – по-русски или паровую?
- Дура он! Ему сказано – à la Сара Бернар... Пусть что-нибудь покрошит... Ну, черт его возьми, давай паровую.
- А вина тоже нет.
- Глупо!
- А вы достали билет?
- Два посыльных, дворник да три пролетария у конторы три ночи ночевали и...
- И?...
- Шиш!..
- Однако!..
- Время-то она нехорошее выбрала... Летнее бы дело в «Аркадии» – публике-то полегче бы было, и ветерком обдует, и все... А в театре жарко...
- Поверьте, что ее слава газетами раздута...

- Не раздуешь, как раздувать нечего!
- Поверьте, все можно раздуть!
- Даром народ кричать «ура» не станет! Даром за каретой народ не побежит!..
- Я не побегу!
- А я побегу!
- Я не буду вас останавливать.
- А я не буду вас больше убеждать.
- Василий! Дай мне судака агратан.
- Господа, будемте справедливы, не будем на себя рук накладывать. Неужели русская актриса не может возвыситься до Сары Бернар! Неужели госпожа...
- Позвольте!
- Да не перебивайте же меня, дайте мне досказать. Неужели госпожа...
- Я знаю, что вы хотите сказать... Никогда не может! Все будет доморощенное, а не европейское. Язык не тот! С нашим языком только можно до Киева дойти, дальше он не действует, а по-французски говорит весь свет.
- При чем тут язык? Мартынов играл по-русски и заставлял перед собою преклоняться.
- Но не Европу!

– Нет! Европу! Лучших драматических художников Европы.

– Я вчера разговаривал с нашими театральными рецензентами. Все в один голос говорят, что раньше шестого декабря ничего нельзя сказать положительного.

– Когда здесь была Арну Плесси!..

– Честной компании!

– Василию Ивановичу! Откуда изволили?

– Из «Ливадии».

– Что сегодня – «Фатиница»?

– Черт ее знает! Мы в буфете сидели. Вот скандалище-то заворотили! Вот вертунов-то наделали! Околоточный два часа протокол составлял...

– Что долго? Стихами, что ли?

– На Сару Бернар достали?

– Нельзя же-с! Да я ведь только для шума...

Я люб лю очень шум в театре. Этак у меня часто: пошлю артельщика с ребятами в воскресенье в театр, навалит их человек сорок. А от меня такое приказание: кто бы ни вышел – старайся! Такой шум заведут – страсть! Кричат bis, да и шабаш...

– Не угодно ли стаканчик?

- Спасибо, не хочется.
- В виде опыта – выкушайте.
- Право, не хочется...
- За здоровье Сары Бернар! Дай ей господи огреть хорошенько публику, а нам за нее порадоваться да поблагодарить за наставление, что она нами не побрезговала.
- Экой дикий народ-то! Печенег!
- Дикий... верно! Деньги на темную ставим... Своего купеческого звания не роняем. Кто хошь приезжай – заплатим.
- Когда здесь была Арну Плесси...
- Это еще какая? Ты где сидишь-то, помнишь ли? Проснись!
- Пора домой... Я так удручен...
- Пьянехонек, верно! Иди потихоньку, а то все расплещешь... Итак, за ихнее здоровье!..

«Новое время», 1 октября 1881 г.

Нана[18]

Рассказ купца

— Ну, какое же, Василий Иванович, теперича ваше положение опосля папашинной смерти?

— Хуже быть нельзя... острог! При тятеньке хоша и строгое положение было, а все терпеть можно, а теперь... Ты думаешь – я купеческий сын? Арестант я и больше ничего! При тятеньке, помнишь, в Париж раз с бухгалтером ездил, в Нижнем крутился... И не приберет ее господь царь небесный!

— Кого, сударь?

— Бабушку! Ведь она опекуншей назначена. Ну, и шабаш! Ни направо, ни налево! Сидит с монашенками, Бибелью али Чикминей[19] по складам разбирают... То есть, завтра она умрет, а послезавтра я всему оставшемуся капиталу решение сделаю... весь капитал с радости пропью! Двух старцев теперича ко мне приставили для наставления. Один-то еще ничего... пьет, а другой, окромя кровоочистительных капель, ничего не трогает. Намедни

они меня до того довели: «Бабушка, говорю, Маланья Егоровна, я очумею!» – «Это, говорит, тебе на пользу...» Веришь ты!.. *(Плачет.)* Под векселя никто не дает, опасаются – несовершеннолетний, а этого случая надо еще два года ждать. За это время она мне всю душу вымотает. Сестру тоже поедом ест... Ну, той ничего. Та девушка такая: за ней хоть в подзорную трубу смотри – ничего не увидишь.

– Ну, а дяденька как?

– Тот дурак! Только кажется-то умным, а заставь трем свиньям щи разлить – не сумеет. Уж то возьми: в баню идет – медаль надевает! Дурак естественный! Я всех умней, всей нашей фамилии, но только я самый что ни на есть несчастный человек! Вот хошь бы теперь в беду попал – за что? Страм теперича пойдет по всему городу. Уж из «Санкт-Петербургского листка» приходили спрашивать. Дворник сказал, дома нет, скрывается.

– В чем же беда-то ваша?

– Видишь ты, милый человек: иду я по Невскому, смотрю – большое стечение публики. К. городовому: «По какому случаю?» – «А по такому, говорит, случаю – картину рас-

смаатривают». А господин какой-то говорит: «Нана[20] выставлена». Взошел, посмотрел – ничего нет удивительного, а как обнаковенно. Старичок только какой-то, в черненьком паричке, хотел рукой погладить, да не достал. И сейчас этот старичок оборотился ко мне с разговором: «Вы, говорит, еще не видали?» – «Нет», говорю. «А я, говорит, десятый раз смотрю и все налюбоваться не могу». – «Что ж, говорю, Бебелина[21] чудесная». – «А вы, говорит, роман «Нана» читали?» – «Нет». – «Почитайте, вам, как молодому человеку, очень приятно будет. Там, говорит, все обстоятельства обозначены вовсю!» И глаз это у него так и завертелся. «И слова на их счет такие, что и пропечатать на нашем языке невозможно, надо по-французски». И вонзил он мне в самое сердце такой кинжал, как ни старался – не мог вытащить. Давай «Нана», да и шабаш! Книжку купил, пошел к одному знакомому приказчику в Перинную линию, хвастался, что умеет по-французски. Тот слов пять разобрал – бросил: не при нем писано. Ну, а мне все одно хошь умирать! И сказали мне, что в Казанской улице живет с матерью девица и

французским языком орудовать может. К ней. Бедная, худая, волосы подрезаны в скобку; мать тоже старуха, старая, слепая... Видно, что дня три не ели... Грусть на меня напала! Вот, думаю, обделил господь. «Можете, говорю, перевести на наш язык французскую книжку?» Посмотрела. «Извольте», говорит. «Что это будет стоить?» – «Семьдесят пять рублей». – «Это, говорю, мне не в силах... За пятнадцать рубликов нельзя ли?» Она так глаза и вытаращила, а глаза такие добрые, чудесные... Инда мне совестно стало. «Вы, говорю, не обижайтесь: мы этим товаром не торгуем, цен на него не знаем». – «Я, говорит, с вас беру очень дешево, и то потому, что нам с мамашей есть нечего», – а по щекам слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мне ее стало, чувствую этакую переверот в душе. «Извольте, говорю, только чтоб перевод был сделан на чести, чтоб все слова и обстоятельства...» Покончили. Зашел как-то через неделю наведаться, смотрю – сидит, строчит. Матери не в зачет рубль дал на кофий. Покончила она все это дело да, не дождавшись меня, на Калашникову и приперла. Вошла в калитку-то, соба-

ки как зальются – чужого народу к нам не ходит. А бабушку в это время в экипаж усаживали, в баню вести, бобковой мазью[22] оттирать... Что за человек? Зачем? К кому? По какому случаю? Все дело-то и обозначилось. Уж они меня с дядей терзали, терзали, старцы-то меня точили, точили... Хотел удавиться! Сестра упростила глупости этой не делать. Бабушка взяла эту книжку и тетрадку да в печку бросила. И Нана, и все слова, и все обстоятельства – все сгорело!.. В четверг повестка к мировому! Бабушку за безобразие, меня, должно быть, за малодушие, а дядю, как он есть дикий, нескладный человек, за грубое обращение. Ищу адвоката. Был у одного, но не пондравился. «Чем, говорю, прикажете вас вознаградить, потому как всю нашу фамилию судить будут?» Встал этак, выпрямился: «Мне кажется, говорит, что опосля изобретения денежных знаков ваш вопрос совершенно лишний». В доме теперь смятение. Бабушка боится, что ее будут к присяге пригонять; дядя сомневается насчет своих слов нехороших, а я третий день дома не ночью – пью без просыпа...

После 1881 г.

На почтовой станции

Ночью.

– Ямщики! Эй, ямщики! Тарантас подъехал...

– Вставай... чья чередка-то?...

– Микиткина...:

– Микитка!.. Слышь!.. Микитка, гладкий черт! Тарантас подъехал...

– Сичас!

– Да как же ты теперича поедешь-то?

– А что?

– Ночью-то?!

– Ну?

– Так что же?

– По косогорам-то?

– Так тарантас-то вляпаешь!..

– Вляпаешь! Пятнадцать годов езжу да вляпаешь!..

– Ваше благородие! Тут у нас на седьмой версте к Озерецкому-то косогоры, так вот от поштового епартаменту обозначено, чтоб сумления не было...

– Помилуйте, ваше благородие, я пятнадцать годов езжу...

- Он те в загривок-то накладет...
- Наклал!.. Мазали чтолича?
- Смазано...
- Извольте садиться, ваше благородие! Эх вы, голубчики!..
- Смотри, осторожнее...
- Помилуйте, сударь, я пятнадцать годов езжу. Ямщики, известно, со смотрителем заодно... Смотрителю только бы самовары наставлять, пользоваться... Тпру!!
- Что?
- Вот этот самый косогор-то и есть.
- Осторожней!
- Помилуйте, сударь, я пятнадцать годов езжу. Не извольте сумлеваться... Тпру!..
- Смотри!
- Точно, что оно, опосля дождя, тут жидко...
- Держи!..
- Господи, ужли в пятнадцать-то годов дороги не знаю...
- Тарантас падает.*
- Что ж ты, черт тебя возьми!..
- Пооди ж ты! Кажинный раз на этом месте...

«Сцены из народного быта», 1874 г,

Гроном убило Деревенские сцены

- **Ч**то тут за случай у вас?
– Беда!.. Теперь не разделаешься!
Теперича, Лексеевна, все померем!
- Я ни в чем непричинен: мы только идем,
а он лежит...
- Где?
- У самого оврага. Растопырил глаза, да и
лежит. Вот грехи-то! Вот грехи-то наши тяж-
кие.
- Я так полагал, что он греется на солныш-
ке; думаю: пущай греется...
- Вот погоди – становой приедет.
- Что же становой?... Становой ничего.
- Становой-то ничего?!
- Все померем.
- Батюшки!.. Господи!..
- Бабы, смирно! Такой теперича случай,
может, вся деревня отвечать будет, а вы виз-
жите...
- Иван Микитич! Может грешная душа в
рай попасть? Ежели она очень грешная.

- Поди у попа спроси...
- Нет, ты мне скажи...
- Поди проспись прежде...
- Мужички почтенные! Становой ежели придет – мы ничего не знаем. Петрухино это дело, он и отвечать должен.
- А теперича какое же ему разрешение?
- Кому?
- А Петрухе-то?
- Связать его теперича.
- За что?
- Как мир... мне все одно. По мне хоть беги...
- Я до него не касался: громом его убило.
- Громом?
- Громом, батюшка, громом!..
- Молоньей! Раз и – готово!
- Вот ежели громом, в таком случае ничего, а я полагал, драка промежду вас была.
- Какая, братец, драка! Промежду нас окромя что, бывало, он мне стаканчик поднесет, а то я ему...
- А мы, вишь ты, ловили рыбу. Он и подошел к нам. Посидел. «Словно бы, говорит, мне скучно. Третий день сердце чешется», – да и

отошел от нас. Сидим мы под ивой – ветерочек задул, так махойький... ветерочек да ветерочек. Смотрим, по небу и ползет туча... от самого от Борканова. Так и забирает... Страсть! Подошла к реке-то... Как завыл этот ветер, как засвистели ивы, словно бы ночь темная стала. Сотворили мы молитву, да и сидим. И сейчас – раз! – гром, да опосля того молонья. И пошла, братец, и пошла... Индо сердце захолодело. И такой дождик полил... Свету божьего не видать. С полчаса или побольше мы сидели... Тише, тише... Солнышко показалось, и заметалась наша рыба, не успеваем червей надевать... Головли так и сигают... Во какие... Два ведра полных наловили. Сажать некуда было. Идем мимо оврагу-то, а он на самом бугре и лежит, руки так-то раскинул и лежит. «Смотри-ко... опосля дождя себя разогревает».

Подошли, а он ничуть. Ну, мы сейчас бежать.

– Нашел себе место, батюшка. Жизнь-то наша!

– А что, его потрошить будут?

– Само собой: не по закону помер – потрошить...

– А я одна замерзал.

– Пьяный?

– Было маленько, только не то чтобы очень. Спервоначалу все спать хотелось, и так мне тепло стало. И вижу во сне, словцо бы я в трактире в каком, и народ все чай пьет и песни поет. А уж меня в те поры снегом оттирали.

– Становой! Становой!

– Петрушка! Голубчик, не погубит! Все на себя прими.

– Ваше благородие! Петрушки это дело, мы ни в чем непричинны.

«Нива» № 14, 1880 г.

Безответный

Сцена в деревне

– Калина Митрич, скажи ты мне, отчего я так много доволен!

– Может, выпимши...

– Стаканчик выпил, это верно! А ты мне скажи, отчего я так много доволен?

– Ну, от стаканчика и доволен.

– Стаканчик один – ничего! А я очень рад! Видишь, птичка сидит, и я рад! Пущай сидит, голубушка!.. Оттого я много доволен, что хороший я очень человек! Такой я хороший человек, – по всей деревне и людей таких нет! Чаю я не пью...

– А стаканчик-то...

– Впервой от роду! Силком влили! «Давайте, говорят, мы Мите стаканчик поднесем». Священник заступился: «Что вы, говорит, непьющему человеку...»

– Тот я смотрю, тихий ты человек, голосу твоего никогда не слышать, а теперь разговаривать стал.

– Оттого я много доволен, что всех я люблю!.. Рыбу я ловить люблю. В лесу чтобы мне

ночью – первое это мое удовольствие!.. Выду я в лес, когда почка развернется, да и стою. Тихо! Дух такой здоровый!.. Мать ты родная моя, как я лес люблю. Ежели теперича в лесу ночью гроза...

– Не боишься?

– Люблю! Как почнет это она сосны выворачивать... Страсть! А опосля того подымется всякая разная птица, на разные голоса.

– Охотник ты большой!

– Большой я охотник! По нашему лесу вплоть до вантеевской мельницы я все гнезда знаю. А как меня рыба уважает! Ух, как она меня уважает! Но только за всю эту охоту великое мне наказание было! И как это. Калина Митрич, обидно! Хороший я человек, чаю я не пью!..

– Так за что же?

– Жил я на фабрике, и как слободное время – сейчас я в лес. Там народ – кто в трактир, кто куда, а я в лес. И сижу это я в лесу, и таково мне хорошо – лучше требовать нельзя. Вдруг, братец ты мой, откуда ни возьмись – двое.

«Какой ты есть человек? По какому слу-

чаю?»

«Птиц, говорю, наманиваю».

Поволокли меня к становому.

«Помилуйте, говорю, за что же? Ни в чем я непричинен...» Ах, Калина Митрич, как мне это обидно! Вышел становой и сейчас меня обыскивать.

«Сознавайся, говорит, тебе легче будет: ты фальшивую монету делал?»

«Никак нет, говорю».

«За что вы, ребята, его взяли?»

«Не можем, говорят, знать: сидит в овраге – и взяли».

«Зачем, говорит, ты в овраге сидел?»

«Птиц, говорю, люблю, ваше благородие».

«Вот тебе, говорит, двугривенный, ступай на все четыре стороны».

Веришь ты богу, Калина Митрич, как мне это обидно! Иду мимо церкви, хотел положить этот самый двугривенный в кружку, а уж дело под вечер было, сейчас меня опять судить.

«Ты, говорит, у храма божьего кружки ломать хочешь!»

«Пустите, говорю, голубчики... сейчас меня

судили. Вот двугривенный становой дал. Человек я безответный! Смирный!» Отпустили. Ну и как же мне это обидно!..

«Еженедельное новое время» № 8, 1879 г.

Лес

Сцены из народного быта

(Ночь. Луговина в лесу. Посередине разложено жен костер.)

ЯВЛЕНИЕ 1

Антон и Семен сидят у костра; Прохор поодаль лежит на армяке.

Антон (*подкладывая хворост*). Ночь-то какая... Тихо!..

Семен. Тихо!

Прохор (*зевая*). Время чудесное... (*Молчание.*) Эко, братцы, это лес!.. Чего в ём нету: и трава всякая, и птица разная...

Антон. Божье произволение!..

Семен. И клад, ежели когда попадается, – все в лесу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладом. Станет копать – все уходит, пойдет домой – опять покажется. Так и не дался.

Прохор. Брать, значит, не умела. Без разума тоже не возьмешь.

Семен. Я бы сейчас ухватил!

Прохор. Ухватил один такой-то!.. Я тоже

однова ходил, ходил...

Антон. Може, его и не клали...

Прохор. Клад был... это верно.

Семен. Что ж, братец мой, во сне тебе это привиделось али как? Тетка Арина сказывала, вишь, ей старец во сне объявился: «Хочу, говорит, я, раба божья, счастье твое тебе сделать; ступай ты. говорит, на зоре к Федькину дубу, только ты иди, а назад чтобы не оглядывайся. Придешь ты, гозорит, к Федькину дубу, оборотись лицом к зеленому лугу, отойди девять шагов и копай тут...»

Прохор. Нет, мне беглый солдат означил... по его речам я искал.

Антон. Поймал ты, значит, его, солдата-то?

Прохор. Поймал.

Семен. Какой смелый!..

Прохор. Чего робеть-то?

Семен. Как чего, братец мой! Убьет.

Прохор. Ничего. На войне ежели – вестимо убьет; а в лесу он ничего, потому отощает. В лесу что он ест? Есть ему нечего... Ягода... Ягодой али корешком каким ни на есть сыт не будешь. Ну, и отощал человек, – силу, значит, забрать не может. Опять же и ружья этого

при ём нету.

Антон. А ты в лесу его захватил?

Прохор. В лесу; опричь лесу ему жить негде. Шел я тогда на покос, только что солнышко встало: смотрю, голова, а он сидит это, муницию свою заправляет. Подошел я к нему. Увидел это он меня – ровно бы вот лист затрясся. «Какой ты такой есть человек?» – говорю. «Ступай, говорит, дядюшка, своей дорогой, коли худа себе не хочешь». – «Зачем, говорю, идти мне некуда: я здешний». – «Ничего ты, говорит, сделать мне не можешь, потому, говорит, я служу богу и великому государю». – «Мне, говорю, твоя душа не нужна, а что собственно к начальству – я тебя предоставлю». Испужался.

Семен. Испужался?

Антон. Испужаешься! За это ихнего брата не хвалят.

Прохор. Где хвалить!.. «Делать, говорю, нечего, друг мой сердечный, пойдем». – «Есть, говорит, на тебе крест?» – «Есть», говорю. «Крещеный ты, говорит, человек, а своего брата не жалеешь: мне ведь, говорит, наказанье великое будет». – «Я этому, говорю, голуб-

чик, непричинен».

Семен. Как же, сейчас ему лопатки назад и закрутил?

Прохор. Без этого нельзя... порядок. Завязал это я ему назад руки, повел к становому. «Пусти, говорит, меня, дядюшка, клад я тебе за это покажу, в купцы тебя произведу». – «Сказывай, говорю, где? Коли верно скажешь, помилую». Стал это мне сказывать приметы, где и что, а ребята ваньковские нам навстречу. «На войну, что ли, говорят, господа честные идете?» Обступили нас, стали допрашивать, да так вплоть до станового и Шли. Опосля уж я искал, искал этого места: ровно и похоже найдешь, – станешь копать: нет. Так и бросил.

Семен. А кабы нашел – ладно бы было.

Прохор (*повернувшись на другой бок*). Пущай кто другой ищет.

Продолжительное молчание.

Антон. Соловьи-то петь перестали. Очень уж я люблю, коли ежели соловей поет.

Прохор (*зевая*). Синица лучше.

Антон. Где ж синице!.. Синице супротив соловья не сделать.

Прохор. Сделает.

Антон. Невозможно!.. Да ты соловьев-то слышал ли?

Прохор. Где слышать! У нас их на мельнице тьма-тьмущая, и домики для их понаделаны.

Антон. Это скворцы!..

Прохор. То, бишь, скворцы... Все одно, и скворцы поют.

Антон. Соловей, ежели теперича, когда петть ему, он сейчас... фиу, фию. *(Подражает пению соловья; в лесу раздаётся свист.)*

Семен *(прислушиваясь)*. Что свистишь-то?

Антон. А что?

Семен. Погоди... молчи...

Все прислушиваются; опять раздаётся свист.

Прохор. Разгуляться вышел...

Антон. Кто?

Прохор *(таинственно)*. Кто? – Известно, кто.

Семен. Теперича, ежели табун где близко, весь табун угонит.

Прохор. Ничего, стороной пройдет.

Антон. Да что вы, черти, это сыч.

Семен. Похоже!

Антон. А то нет? Эх, вы!..

Прохор. Коли свистит – ничего; а иной раз ровно малое дитя плачет... как есть ребенок.

Семен. У нас летось под самый Успенъев день табун угнал.

Антон. Ну, ври под пятницу-то!

Семен. Вплоть до реки гнал.

Прохор. Как до реки догнал, так и шабаш, дальше не погонит, жалеет тоже скотину-то.

ЯВЛЕНИЕ II

Павел, лесник, выходит справа.

Павел. Что ж огонь-то не гасите... не спите?

Семен. Так, сами промежду себя разговариваем.

Павел. Спать, чай, пора.

Прохор (*тихо*). Сам сейчас откликнулся.

Павел. В обход ходил – не слышал. Что ж, мы к этому привычны... это нам ничего.

Семен. А мне, братец ты мой, жутко стало.

Павел. По первоначально, как я в лес пошел, и мне жутко было. Привык. Идешь, бывало, по лесу-то, все нутро в тебе переворачивает, а теперь ничего. Лихого человека бойся, а лешой ничего тебе не сделает. Домовой хуже –

тот наваливается; а лешой, коли он уж очень когда разбалуется, так он только тебя обойдет. Опять же на него молитва такая есть... особенная. Коли кто эту молитву знает, тому ничего.

Семен. А ты, дядя Павел, знаешь?

Павел. Нам нельзя без этого. Я, окромя молитвы, заговор на его знаю. Куда хошь иди – не тронет.

Прохор. Обучи нас.

Павел. Не переймете. Зря тоже этого не сделаешь. Семен. Ему заговор ничего: заговору он не боится. Антон. А мне, братцы, дворянин один в Калуге сказывал про лесовиков-то: «Ты, говорит, ничему этому не верь, никаких лесовиков нет, это так зря болтают».

Павел. Много знает твой дворянин-то!

А н то н. «Ни лесовиков этих самых, ни ведьмов – ничего, говорит, этого нет».

Павел. Посадил бы я его ночи на две в сторожку, так он бы узнал, как их нет-то. Вот темные ночи пойдут осенью, пуцай придет посидит. Нету! Да вот как раз трафилось, слушай. Знаешь лапинскнй овраг – мы там роццу караулили. *(Садится у костра.)* Дело близ по-

крова было. Об эту пору ночи бывают темные... Дожди пошли... холодно... смерть!.. Идешь по лесу-то да думаешь, зачем мать на свет родила.

Семен. Беда, сейчас умереть...

Павел. Спим это мы... Часу так в двенадцатом слышу, братец мой, словно кто около сторожки ходит. Походил, походил – перестал. Орелка была у нас собака... просто, бывало, отца родного не подпустит... волка раз затеребила... Орелка раза два тьякнул, замолчал. Думаю: должно, ветер. Только опять-то лег, как Орелка завизжит, как завоет, вот надо быть кто ей зад отшиб. Так индо меня мороз по коже! Мартын проснулся. «Выдь, говорит, Павел, посмотри».

Отворил я дверь-то: Орелка прижался к косяку, сидит... Слышу, братец ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Так у меня волосья на голове поднялись. Хочу назад-то идти, уж и двери не найду. Ходил, ходил, индо лихоманка забила, а лошадь нет-нет да опять заржет.

Семен. Страсть!.. Я бы убег!

Павел. Да куда бежать-то? Окромя сторож-

ки, некуда. Ввалился в сторожку: «Дядя Мартын, говорю, у сторожки лошадь ржет, должно, за лесом приехали». Заругался мой Мартын – мужик он был хворый, сердитый: «Убью, говорит, до смерти, кто попадетсЯ». Вышли мы из избы-то, а по лесу топорище так и звенит. «Слышь, говорю, дядя Мартын?» – «Слышу, говорит... убью сейчас...» Побежали мы. Стал я Орелку уськать – не лает, идет сзади. Что, думаю, за причина? Дал раза в бок, – только заскучала.

Семен. Слышь, ребята?

Павел. Не трошь, пуцай спят.

Семен. Ну!

Павел (*вполголоса*). С. полверсты мы прошли: топор близко, а на след не попадем, потому темно очень. Шли, шли... рядом шли... «Дядя Мартын», говорю... Дядя Мартын голосу своего не подает. Что за оказия! Крикнул это я: «Дядя Мартын!» Слышу, Мартын далече вправо... Я вправо забрал, опять крикнул: «Дядя Мартын!..» Дядя Мартын далече влево... а топорище: тЯп, тЯп... Завернул я к ему на голос-то, стал Орелку кликать, и Орелка пропал!.. Ну, думаю: пуцай всю роццу вырубят –

пойду домой, потому страшно уж очень стало, опять же и озяб... так продрог... смерть! Повернул назад, пошел. Иду, да и думаю: сам не балует ли?... Только, братец, это я подумал, как по всему-то лесу: «Ого-го-го-го!!!» Отродясь такого я крику не слыхивал. Так у меня руки-ноги подкосились! Хочу крест на себя положить – рученьки мои не владают...

Семен (*жметя*). Меня индо и теперь дрожь прохватила!

Павел. Очувствовался – не знаю, куда идти. «Батюшка, говорю, Никола-угодник, выручи...» Сотворил молитву, легче стало. К свету уж домой-то пришел: за пять верст он меня от сторожки-то угнал, да в самое бучило, в овраг-то и завел. Кабы, кажись, маленько еще – утоп бы.

Семен. Ах ты, господи!

Павел. Ну, думаю: как приду домой, этого самого дядю Мартына на части разорву. Стал ему выговаривать-то, а он говорит: «Ты, надо полагать, в уме рехнумши. Я, говорит, всю ночь из избы-то не выходил».

Семен. Он все, значит.

Павел. Кому ж, кроме его. Шесть недель

опосля этого я выхворал: все волосья повылезли, разов пять отчитывали, насилу на ноги поставили. Сама энаральша Пальчикова лечила, корочки с наговором давала, ничего не действовало. Так вот, как их нет-то! Может, дворянина-то он не трогает, а нашему брату от его шибко достается. *(Встает и потягивается.)* Спать теперича.

Семен. Кому спать, а нам – господи, благослови!.. По травушку, по муравушку. *(Надевает армяк.)* Оченно уж я люблю, когда разговаривают про чертей: али про разбойников... просто, сейчас умереть, спать не хотца.

Павел. Как же не спамши-то?

Семен. Я выспался. Я с вечерен спал. *(Подходит к Антону и толкает его ногой.)* Вставайте, ребята!

Антон. Только было...

Семен. Скотину, поди, уж выгнали.

Прохор. Господи, благослови!

Павел Жисть вам, ребята!

Семен. Какая жисть!

Павел. Покос подошел... коси да коси...,

Антон *(набивая трубку)*. Акштафу на дорожку закурить, дело ходчей пойдет.

Все. Прощай, дядя Павел.
Павел. С богом... дай бог час.

«Современник» № 5, 1861 г.

Дьявольское наваждение

Одно лето я жил на Волге, в деревне у покойного Н. А. Некрасова, верстах в двенадцати от Ярославля. Большую часть времени мы проводили на охоте. Места в той стороне живописные и для охоты необыкновенные. Покойный Николай Алексеевич был страстный охотник и отличный стрелок. На охоте он не знал усталости. Случалось так, что мы выходили на восходе солнца и возвращались домой около полуночи. Обыкновенно хмурый и задумчивый, на охоте он был неузнаваем: живой, веселый, разговорчивый, с мужиками ласковый и добродушный. Мужики его очень любили. Про собаку его Оскара (я никогда не видывал такого умного пса) ходили слухи, что она прислана каким-то королем «значительному в Петербурге генералу», что тот подарил ее Некрасову и назначил ей по смерти семьсот рублей пенсиону.

Охотились мы по обеим сторонам Волги и оставляли дом иногда дней на десять, переночевывая в разных селах и деревнях. Кроме весьма удобного, приспособленного к охоте

гарантаса, с нами шла верховая арабская лошадь.

Приезд наш в какую-либо деревню для ночлега для мужиков был праздник.

В избе толпа. Кто разбирает вещи, кто любуется ружьями, а кто, по бывшим примерам, ожидает угощения.

– Давно уж, сударь, в наших местах не бывали, – заговорил кто-то из толпы. – Дичи у нас теперь такая сила, что, кажется...

Выступил вперед Можжуха, мужик-охотник, постоянно сопровождавший Некрасова на охоте. Лицо его было завязано тряпицей.

– Что это у тебя лик-то перекосило?

– Все это моя охота, сударь, Миколай Алексеич! Все она! Пополз я третьеводни» в осоку... в заводинке утки сидели. Выполз, почитай, на самую наружу – сидят. Думаю: подожду маленько – пущай скучатся. Ждал, ждал, да, признаться, надоело... Приложился – бух! Индо перевернулся!

– Заряд велик положил?

– Не мерял, только много. Мне влетело, но уж и уткам я уважение сделал... Как горох посыпались... Подбирал, подбираю...

– А куда мы завтра пойдём?

– Спервоначалу, Миколай Алексеич, на озеро. Там теперича этого бекасу!.. А опосля тетеревьев...

– Куда?

– Туда, сударь, к Чудинову, где в запрошлом году ваншлепов били. Там охота расчудесная!.. Становой только там маленько балует, да он ведь стрелять не умеет, на нашу долю много еще осталось.

– Становой теперича не ходит, – заметил один мужик.

– Видел его, – возразил Можжуха.

– Мы верно знаем, что не ходит: он своей собаке зад отшиб.

– За что?

– Не можем знать. Из первого ствола по птице ударил, а из левого по ей. Собака ихняя не действует, это верно.

– Ну, что ж, братцы, четверти-то, пожалуй, вам мало будет?

– Много довольны, сударь! – отозвался один мужик. – Бабы не пьют, а нам хватит.

– А полведерочка ежели пожалуете, ваше благородие, – заискивающим тоном вмешал-

ся другой, – так и очень даже... за ваше здор-
овьице... Может, и бабы которые пригубят.
Есть тоже баловницы-то...

– Ну, ступай, пейте.

Рано утром мы были на озере. Действи-
тельно, всякой дичи оказалось многое множе-
ство. Закат солнца застал нас в Чудиновском
лесу. Тьма, тишина, благоухание соснового
леса и только что скошенной травы!

– Тут мы и жить будем! – воскликнул
Некрасов. – Разводи огонь.

Затрепал костер. Один мужик разыскал
тарантас и поставил его на просеке. Сладили
из ветвей большой шалаш. Из тарантаса при-
несли самовар и ужин.

Как обыкновенно бывает, темнота распо-
лагает человека к разговору о страшных про-
исшествиях, о таинственном; так и теперь это
случилось.

– Поди ж ты вот, – заговорил Можжуха, – в
компании ежели в лесу – ничего; один еже-
ли – жутко.

– Чертей, что ли, боишься?

– Что их бояться-то, мы их видали. У нас в
селе свой есть.

– Как свой?

– А старшина наш Иван Петров – черт как есть. Рога ежели ему приставить – так точно и будет.

– Строгий человек?

– Черт – одно слово.

– Теснит?

– Не дай бог!

– А что, сударь, осмелюсь я вам доложить, – начал один очень скромный мужичок, – я одна видел его явственно.

– Страшный?

– Спервоначалу-то я не понял, опосля уж это мне...

– Видел ты! – возразил Можжуха. – Видеть его невозможно. Вот в Алешине колдун, кажется, уж...

– Да он не взаправду колдун.

– Он-то? Настоящий! Он у нас в селе семь душ испортил. Петровна-то у него в ногах валялась, чтоб снял. «Потерпи, говорит. Меня, говорит, он самого давно не посещал; как посетит, в те поры сниму». Ребята спрашивали: как он есть такой? «Я, говорит, сам его никогда не вижу, а мне, говорит, приказано».

– Ну, а ты как же его видел?

– Батюшка упокойник бил меня очень, чтобы я в Москву шел, а я в те поры только год женимши был, детенок у меня народился – очень мне не желалось, а он бьет. «Тятенька, говорю, помилосердуй. За что ты меня бьешь?» Схватил за волосы, трепал, трепал... Жена взвыла. «Тятенька, – кричит, – руки на себя наложу, коли ты мужа бить будешь». Терпел я, терпел – невмоготу стало, думаю: утоплюсь. И сейчас мне легче стало. Жена все одно хоть бы ее не было; на детенка посмотрел – словно бы он не мой. Только одно в уме содержу: утоплюсь. И такая мне радость, только и жду – поскорей бы ночь пришла, что уж не жить мне. Поужинали. Батюшка запер калитку, опять в избу пошел, а я в сарае лег. Встал ночью, вышел на двор, смотрю – калитка маленько отворена. Что за оказия! Сам видел, как батюшка запирает. Пришел на реку, снял сапоги, перекрестился, а мимо меня словно пролетело что... черное.

– Что значит крест-то! – многодумно заметил один мужик.

– Дрожь меня прохватила, очень детенка

стало жалко.

– Он тебе, значит, и калитку-то отворил...

– Как домой оборотил, не помню. Через три года батюшку господь прибрал. Теперь ты меня обложи золотом – на реку ночью один не пойду.

– Ну, а вот которые некрещеные?...

– Заговор, может, какой есть...

Долго на эту тему продолжалась беседа.

«Новое время», 25 декабря 1879 г.

Медведь Рассказ

(Посвящается А. К. Кузнецову[23])

Паче же почитайте сию книгу, красныя и славныя охоты, прилежные и премудрые охотники, да многия вещи добрыя узрите и разумеете.
Царь Алексей Михайлович.

I

В роскошно убранном кабинете очень богатого молодого человека на изящном кресле сидел мужик; у двери, заложивши назад руки, стоял франтоватый лакей.

– Долго Александр Иванович проклажается, – заговорил мужик после продолжительного молчания, – пожалуй, и на чугунку не попадешь.

– Эх вы, егоря! – язвительно прошептал лакей, – нечего вам делать-то!

– Ты, Николай Петров, понимать нашего дела не можешь, потому твое дело больше у тарелки.

– Что говорить! Дело ваше хитрое!

– Наше-то?! Хитрое дело! Хитрее твоего. Ты поди-ка, попутайся по лесу-то, живот-то тебе и подведет.

– Для какого это расчета я пойду?...

Послышался звонок. Мужик встал. В дверях показался барин.

– Здравствуй, Кузьма, – заговорил он, ласково протягивая руку.

– Здравствуйте, Александр Иванович.

– Что скажешь? Николай, ты бы водки ему дал.

– Подносили, благодарим покорно, выкушал... Ведьмедя, сударь, обложили.

– Чудесно! Большого?

– Порядочный. Не мы его обкладали: он лег в пицалинском косяке, а уж опосля к нам перешел.

– А место хорошее?

– Первый сорт место; на самой на просеке станем.

– А если на берлогу?

– Неспособно: очень ломы, опасно. Одному ежели – ничего, а с господами не справишься.

– Спасибо, что вспомнил меня.

– Оченно даже мы вами благодарны, Александр Иванович, и завсегда...

– Так ладно, по рукам!

– Приезжайте, сударь. Я ноне поеду; завтрашнего числа с кумом мы обойдем, проверим и сейчас вашей милости лепешу...

– А пишалинские не прогонят его?

– Ничего, мы с ними сделаемся. Шум-то промежду нами, пожалуй что, будет, а ничего.

– Даром бы не приехать?

– Как возможно. Ведьмедь верный. Действительно, он спервоначалу у их лежал, но только важность небольшая...

– Если мы послезавтра приедем, успеешь ты?

– Беспременно. Сейчас как приеду, народ соберу и сейчас и в лес.

– Так уж ты депеши не посылай: мы приедем. Только насчет пишалинских у вас, должно быть, неладно.

– Без сумления! Охоту нашу портить им не дадим. Мы, сударь, все эти резоны знаем... Как возможно!..

– Ну, с богом! – окончил барин, касаясь нежными пальцами корявой руки мужика.

На другой день утром Кузьма уже был в деревне. Оповестив всех о предстоящей утром охоте, они с кумом Акимом отправились в лес проверять медведя. Пищалинские мужики не зевали. Около вечерен они с шумом вошли в деревню и засели в кабаке.

II

– Но уж и стужа же на дворе, то-то страсть! – говорил Герасим, входя в избу. – Вьюга такая – свету божьего не видать!.. Ежели теперича наши ребята под выселками в овраг влопаются – там им и помирать, не вылезут.

– Тьфу! Типун те на язык-от! – перебила его старуха.

– Что?! Истинная правда, – подтвердил парень, – в экую стужу какая охота – одни слезы.

– Вся и жизнь-то наша слезы, – отозвался с печи старик, – родимся мы во слезах и померем во слезах... И сколько я этих слез на своем веку видел, – и сказать нельзя! Бывало, хошь в некрутчину: и мать-то воет, и отец-то воет, а у жены-то у некрутиковой из глаз

словно горячая смола капает...

Старик тяжело вздохнул.

– Это ты, дедушка, насчет чего? – спросил его Герасим.

– Сам про себя говорю, – отвечал старик.

– А я думал – насчет нашего положения... А насчет нашего положения я те вот что скажу: греха тут не оберешься! Ведьмедь наш, мы его обложили, а пищалинские мужики говорят, что с ихней межи перегнали. Я так понимаю – без драки тут нельзя... И так нам эти пищалинские накладывают в загривок, так они нас обрабатывают...

– Вольный зверь не по пачпорту ходит – где захотел, там и лег, – вмешалась старуха, – запрету ему нигде нет.

– Да, ты вон поди с ними поговори, – продолжал Герасим, – уж они теперь, оглашенные, два ведра, почитай, выхлестали, ничего с ними не сделаешь. Пущай, говорят, суд нам разрешение сделает, коли возможно, с нашей земли ведьмедев сгонять. Нам, говорят, все единственно!.. Мы, говорят, тут в кабаке и жить будем, пока господа не приедут...

– И все-то, братцы, как я погляжу, – пере-

бил старик, – брань у вас, да все друг против дружки.

– Это действительно, дедушка! Главная причина – мужики сердитые, опять же это... налопаются, настоящего-то и не могут, как должно. Ежели теперь по-настоящему – как? Обложил ты его, народ сколотил, господ поставил... бух! Честь имеем поздравить! И ведьмедю хорошо, и господам лестно, и сам ты, примерно... и народ тобой доволен.

В избу ввалился пьяный, оборванный пищалинский мужичонка Мирон, с ружьем в руках. Он был весь в снегу.

– Это за нашу-то добродетель, – начал он, ткнувшись раза два о печку, – спасибо! Ведьмедь наш, пищалинский! У нас он лежал; Кузьма Микитин с нашей земли его перегнал...

– Крепостной он твой, что ли? – проворчала старуха.

– Ведьмедь он божий... это мы все очень хорошо...

– Спать бы, дядя, тебе, – сказал Герасим.

– Спать мы пойдем, потому мы маленько... потому мы пьяные... Спать нам требуется бес-

пременно, а этого дела мы так не оставим...

– Ружье-то, с пьяных глаз, не потеряй, – заворчала опять старуха, – а то еще застрелишь кого...

– Могу! Ствол у нас французский, долбанет – своих не узнаешь. Волку намедни такую ваканцию показал... Эх, Петровна, понимать моей души ты не можешь!

– А нализался ты здорово, дядя, – отозвался с печи дедушка.

– В самый раз!.. А насчет ведьмеда мы все завтра обозначим.

– А может, бог даст, проспишь, дело-то и обойдется, – проговорил Герасим.

– Никак этого нельзя! Всю ночь наскрозь ходить буду, потому ведьмеда нам бог даровал! – горланил Мирон. – Он все лето, батюшка, на наших овсах питался...

– Эх, Мирон Масеич, голова-то у тебя не с того конца затесана! Ступай-ка ты, откуда пришел, – окончил Герасим, выводя под руки Мирона из избы.

– Ведьмедь наш! Наш он, батюшка, пиццалинский! – продолжал он орать за дверью.

От крику зашевелились проснувшиеся на

полатях ребятишки.

– Что, дедушка, господа еще не бывали? – заговорила, почесываясь, желтая, как лен, хохлатая головенка.

– Нету, батюшка, спи спокойно, – отвечал дедушка.

– Я в загон пойду.

– Как те нейдти! – подхватила бабушка.

– Вестимо, пойду.

– С чем ты пойдешь-то, дурашка? Махонькой ты человек...

– Хворостинку возьму, да и пойду.

– Сиди-ко лучше на печи да тараканов загоняй – не страшно!

– Ну, ладно!

– Нет, Матрена Петровна, – ввязался в спор Герасим, – ты нам не препятствуй. Васютка, пойдем.

– Пойду и есть!

– На мерлогу ежели, – продолжал Герасим, – страшно, а в загон ничего. Девки ходят, стало быть, нам можно. Но только я так понимаю: хоша господа и приедут, а на охоту им идти неспособно: в экую стужу да жидкому человеку... беда!

III

Намаялись бедные разведчики, день-деньской ерзая на лыжах по лесу. Медведь лежал крепко. Уж темнело, когда они вышли из лесу. Посвистывал ветер, подымалась метель, до деревни, по мужицкому счету, три версты, а мужицкая верста длинная, длиннее казенной. При «уныл Аким, запечалился и Кузьма. Холод сам по себе мужику ничего – дело привычное, а вот как вьюга в поле разыграется – горе великое!

– Не застрять бы как... – заговорил тревожно Кузьма.

– Возможно, – соглашался Аким, – хитрого нет! Полем там даже очень...

– С богом, ничего не сделаешь!..

– Его святая воля, что сделаешь... – решили они, миновав лесную просеку.

Вьюга в полном ходу. В поле зги божьей не видать. Залепило глаза, заледенило бороды.

– Господа, пожалуй что, не приедут, – промолвил тоскливо Аким.

– Уж до господ ли теперь! Помог бы бог вылезти. В экую пургу какая охота, пропади она совсем!..

– Сосну бы нам не прозевать. На сосну попадем – дома.

– Вишь, вьюга какая, – у лошадей хвоста не видать, а ты сосну.

Лошадь, побуждаемая и кнутом, и лаской, и бранью, едва передвигала ноги; наконец, выбившись из сил, остановилась.

– Должно, сбились!

– Уж давно по целому едем. Сбились как есть.

– Беда!..

– Поди ж ты!..

Аким сунулся в сугроб и, пройдя шагов двести, воротился назад.

– Что бог дал?

– Ничуть!

– Постой-ка, я потопчу; может, господь даст... – сказал Кузьма, опускаясь по пояс в снег.

И Кузьма пришел ни с чем.

– Столько этого снегу наворотило – не выдерешься.

– В овраг бы не влететь.

– Там и душу свою оставишь... в овраге... Так ты это и понимай!

Долго молча и сосредоточенно стояли они, придумывая, на что им решиться.

Аким хотел было посоветовать ехать прямо, да, вспомнив, что лошадь потому и остановилась, что прямо ехать нельзя, удержался. Кузьма был решительнее: он что есть мочи стал хлестать кнутом несчастное животное. Лошадь тронулась.

– Ну, ну, ну! – кричал Кузьма, учащая уда-
ры.

– Трогай, трогай! – подбадривал Аким, ухватившись за оглоблю.

– Господи, да вон она, сосна-то! – закричал с радостью Кузьма.

– Она и есть!

– Батюшки мои!.. Вот какое дело. Помирать уж собирались.

– Это мы, значит, все около ей барахтались! Ну, оказия! Что ж это огнев-то не видеть? Озерецкое, должно, вот оно... направо?

– Да теперь все село разожги, никакого огня не увидишь...

От сосны уже недалеко до деревни, и по торной дороге, как ее ни занесло, все-таки добраться можно.

– Дома теперь... Слава те, господи!..

– Уж теперь что... теперь ежели... А то, как
ВОЗМОЖНО...

– Само с собой, коли... Эх!..

– Горе!

– Вот ты и думай!

Бессвязные эти фразы произносили мужики с большими паузами.

Овин... другой... избенка... В деревне!..

Все забыто: и страх быть занесенным, и стужа, прохватившая до костей. Миновала беда – и слава богу!

– Кабак, поди, еще не заперт.

– Надо полагать...

– Одной косушкой, пожалуй, не поправишься?

– Какая косушка! Много ли в ей, в косушке! Теперича, ежели очувствоваться как должно, и полштофа мало, – решил Аким.

Из кабака слышался шум: безобразничали пищалинские мужики, ожидавшие приезда господ из Санкт-Петербурга. Больше всех заинтересован был Мирон. То он хвастался своим ружьем, то репетировал речь, которой он встретит охотников.

– Сейчас приедут и сейчас... воля милости вашей!.. Ведь медя нам бог даровал! Собственно, они с нашей земли его перегнали... Как вашей милости угодно!..

– Это точно, – поддакивал спившийся пицалинский старшина, – а коли что – два ведра на все наше общество. Тогда и действовать можно.

– Два ведра!.. Верую, господи! Так ли я говорю? Два ведра пожалуйста на стол, а мы выкупаем...

– А вы, ребята, не кричите, – вмешался в разговор рыжий мужик, – а то в запрошлом году Демьян Иваныч налетел тоже на барина, стал права доказывать, да после недели две скулы растирал...

– А в суд?

– Судись там! Так огреет...

– Меня?! – закричал с бахвальством Мирон.

– Ты-то первый наскочишь!

– Я?!

– Ты!..

– Не надеюсь! Вот что!

– Не надеюсь!

– Пожалуйте нам осьмушечку, – окончил он, подходя к стойке.

Было около девяти часов вечера. Утомленные, продрогшие до костей, разведчики миновали кабак и задами въехали в деревню.

– Живы ли вы тут? – заговорил Кузьма, входя в избу.

– Ай, батюшки! Уж мы не чаяли вас, – заторопилась старуха.

– То есть так-то прохватило, так-то прохватило, что, кажись...

– Порядочно! – перебил Аким. – Маленько бы еще – там бы, пожалуй, и заночевали на поле...

– Хотели было согрешить по стаканчику, да пицалинские в кабаке галдят.

– Следоват, а то никак не раздышешься.

– Я сейчас к честной вдове схожу: у ней водка без патенту, – вызвался Герасим.

– Не даст!

– Мне-то?! Даже очень... С великим удовольствием!

Вот и водка на столе. Выпили медвежатники, раздышались, почувствовались и стали отходить ко сну. Аким сымпровизировал по-

душку: обернул полено полушубком и растянулся на голом полу.

– Ты бы, бабушка, сапоги-то в печь сунула... да смотри, не изжарь, завтра потребуются, – проговорил Кузьма, влезая на полати.

Вьюга успокоилась. Сквозь рваные облака по временам показывался месяц. Кабак смолк. Общее спокойствие нарушалось изредка бродившим по деревне Мироном: он разыскивал свою шапку.

– Без шапки мне невозможно! Без шапки я не человек, – кричал он во всю глотку.

IV

Рано утром, на заре, по деревне слышались бубенцы. К избе Кузьмы подъехало несколько саней, нагруженных людьми, ружьями, рогатинами, чемоданчиками, корзинами и т. п. Кузьма уже был на ногах. У ворот встретил приехавших МIRON; он всю ночь пропутался на улице.

– Все благополучно, ваше сиятельство, ведьмедь как есть... вас дожидает, – отрапортовал он, трясясь всем телом, выходявшему из саней полковнику.

– Что это? Ни свет ни заря, а уж ты отку-

шал, заметил полковник.

– Точно так, ваше сиятельство! Не я пью – горе мое пьет, – отвечал Мирон.

– Полно-ко ты, непутный человек, мутить-то, – отозвался Кузьма, отряхивая снег с полушубка полковника. – Всю ночь спать не давал, старый черт!..

– А что, медведь лежит? – подскочил к Кузьме молодой человек в изящном черном полушубке, с красивым ружейным ящичком под мышкой.

– Лежит, сударь.

– Большой?

– Да ведь бог его знает: мерить его нельзя.

– Большущий, ваше сиятельство! Лапа с ведро, а то и больше. Потому как он есть ведьмедь наш, пицалинский, у нас он все лето кормился, – вмешался опять Мирон, поддерживая под руку уходившего в избу полковника.

Сани разгружались. Вылезали, отряхиваясь, охотники, мужики вытаскивали ружья, рогатины и т. п. К избе мало-помалу подходили любопытные. Пицалинские все собрались в кучу и стояли у избы молча. Некоторые раз-

говаривали шепотом.

– Я так понимаю, – говорил один, – битва у нас будет великая.

– Без рвани тут ничего не сделаешь, дело видимое, – соглашался другой.

Полковник, войдя в избу, приветствовал хозяев, прилаживаясь к их обиходной речи.

– Здравствуйте, добрые люди, – начал он, низко кланяясь старухе.

– Здравствуйте, батюшка, господин честной, ваше благородие.

– А тараканов-то у вас порядочно!

– Сила, сударь! Такая сила этих тараканов – ничего с ними не сделаешь, – отвечал Кузьма.

– Морить надо...

– И морили, сударь, и морозили, из Санкт-Петербурга был какой-то, мазью смазывал, но, между прочим, куры все передохли, а тараканы остались.

– Здравствуй, божий человек, – обратился он к слепому старику.

– Здравствуйте, батюшка, – отвечал старик, поднявши к небу незрячие, черные как уголь глаза.

– Давно на божьем свете маешься?

– Годов восемьдесят есть, барин.

– Много!

– Что сделать, сударь, – и не хочется, да живешь.

– Уж и мы, сударь, говорим, – вмешался шутливо Кузьма, – пора бы, место ему там уж заготовлено. Ты бы, тятенька, пошел, освободил тут господам. Вас?отка, сведи дедушку.

– Погоди, дай нам со стариком побеседовать, – остановил полковник. – Крепостной был?

– И под господами жил, и волю сподобил сподь увидеть.

– А чьих был?

– Господ-то? У меня был господин большой; таких нынче и господ-то нет, да и в те поры, пожалуй что, не было.

– Аракчеевские наши-то были, – подсказал Кузьма.

– Графа Алексея Андреевича Аракчеева дворовый я человек был – спервоначалу фалетором и опосля того кучером, – подтвердил старик с достоинством.

– Хорош он для вас был? – продолжал допрашивать полковник.

– Строгой был человек, горя нашего не чувствовал.

– Потерпели наши-то при нем на порядках...

– Лютой был человек, попил нашей крестьянской крови вволю.

– А жить нам за ним было хорошо, – продолжал старик, – страх был, баловства не было, пьянства этого, кабаков... Мужик был сытый.

– Это, что говорить, – ввернул от себя Аким, – мужик был в те поры форменный... как есть... Теперича народ горький, все пропимшись... Теперича только пьют да на погорелое место собирают.

– А пожары часто бывают?

– Бывают и пожары, а больше так.

– Как так?

– Пропьются, оглоблю обожгут, – значит погорели, – Царство ему небесное, – окончил старик, ощупывая висевший на стене полушубок, и вышел с Васей из избы.

Пока Аким бегаёт по деревне, сколачивая народ в загон, пока господа осматривают ружья, надевают сапоги, услаждаются чаем и

напитками, врут всякую охотничью небывальщину, я отвлекусь от рассказа и познакомлю с ними читателя. Вы не думайте, что это приехали охотники по ремеслу, по страсти. Из них нет ни одного, который бы в холодную осень окунулся в воду, доставая убитую птицу; который бы в палящий зной без воды, без пищи оставался целый день в болоте для того, чтобы положить в сумку две пары бекасов; который бы изнурял себя, бродячи в лесу по ломам, по корягам, отыскивая тетеревиный выводок; который бы в грозу, в ливень, промокнувший до костей, пробирался спокойно по изрытому сохой грунту, чтобы принять ночлег в лесу, в наскоро сделанном из листьев шалаше. То поэты, а мои охотники просто милые, прелестные люди, едва умеющие держать ружье в руках. Приехали они просто подышать свежим воздухом, а в случае подвернется под руку медведь, то лишит его жизни, если не будет предстоять к тому большой опасности и если пуля нечаянно его заденет. Таких охотников очень много. У иного не знаешь, что в кабинете: оружейный магазин или зоологический музей? Шкаф с ру-

жьями. Каких там систем нет: заряжающиеся и сзади, и сбоку, и сверху... Каких к ним нет приспособлений!.. А вот ножи, пистолеты, свистки, рога, рогатины и всякая охотничья утварь. Все чисто, как говорится, с иголки. А на стенах, а на шкафах! Чучела глухарей, вальдшнепов, дупелей... а вот стоит рысь... а вот оскаливший зубы волк... а вот встал во весь рост и сложил лапы по-наполеоновски медведь, и ни в одной душе владелец этих чучел неповинен.

Снарядились мои охотники. Полковник одевался и подтягивался очень долго. В скобках замечу, что называемый мною полковник – не полковник, а совсем штатский господин. Мужики его прозвали полковником за солидную фигуру и за необыкновенную способность кричать и браниться без всякой злобы.

– Шибче полковника никому не изругаться! – замечают о нем мужики. – Так обложит, лучше требовать нельзя.

Молодой человек в изящном полушубке, подпоясанный кавказским поясом с серебря-

ным набором, видимо, беспокоился и начал жаловаться на зубную боль, когда один из мужиков соврал ему, что он медведя видел, что он большой и, должно быть, медведица с медвежатами лежит на чистом месте и, пожалуй, «потрепать» может. Один из приехавших охотников был одет черкесом: на нем накинута бурка, а на голове огромная баранья шапка:

*Он весь обвешан был ремнями,
Железом ржавым и кремнями,
На поясе широкий нож.*

Он врал от самого Петербурга вплоть до места охоты и, наконец, до того заврался, что заставил усумниться даже мужиков. Он рассказал, как он убил медведя из пистолета.

– Мертвого? – живо спросил полковник.

Все засмеялись.

– Нет, не мертвого! – возразил черкес.

– Ну, так нечаянно, – промолвил молодой человек.

– Словно бы барин-то маленичко... – заметил лукаво Аким...

И посыпался на бедного черкеса град на-

смешек.

– Ты, может, в зверинце... – говорил полковник.

Черкес уже начинал обижаться, но вошедший Кузьма доложил, что подводы готовы и народ дожидается.

На улице толпа. Мужики, бабы, одна с грудным ребенком, девки, мальчишки, с дубинками, с хворостинками, с палками, с ружьями, в рваных полушубках, в кафтанишках, в сапогах, в лаптях, в валенках, стоят смирно. Один мужичок заряжает ружье, перевязанное около курка веревкой, выдергивая из шапки паклю для пыжа.

– А мое давно заряжено, – заговорил стоящий с ним рядом, – под самый под покров я его зарядил... господа в те поры приезжали. Ружьишко оно ничего, только ствол стал отскакивать.

Вышли охотники.

– Здорово, ребята, – воскликнул полковник.

Загонщики молча поклонились.

– Это что такое? – закричал он, увидавши

бабу с ребенком.

– Бабеночка, сударь, наша...

– Что ж, она с ребенком в лес пойдет?

– Муж, сударь, у ей замерз, так, значит, кормится... в чужих людях живет.

– Ничего, сударь, мы привычные, – робко проговорила бабенка.

Пищалинские всей кучей выступили вперед заявлять свою претензию.

– Что вам нужно? Вы загонщики? – обратился к ним полковник.

– Никак нет, ваше сиятельство, – выступил вперед красный, как кирпич, мужик, – мы пищалинские.

– Что значит?

– Вы как насчет ведьмеда этого понимаете? – заговорил он вкрадчиво.

– А что?

– Он лег, значит, в нашем косяке, а они те-перича его перегнали... перегнали они его, а мы, значит...

– Обижены, – подхватил другой. – Надо говорить по-божьему – обижены!..

– За нашу добродетель, – закричал Мирон.

– Ты, кажись, рвань гы эдакая, еще не про-

спался, – заметил Кузьма.

– Кузьма Микитич! Жив бог, жива душа моя! Понял? Ну и больше ничего! – отрезал Мирон.

Заговорили все вдруг.

– Мы теперича, значит, пищалинские, все наше общество...

– Сделайте вашу такую милость...

– Собрамши теперича все наше общество... мы, ваше степенство, люди бедные...

– Опосля этого они и скотину нашу угонять будут.

– Ведьмедя нам бог даровал, мы с им живы не расстанемся...

– Ежели их теперича не сократить...

Крик увеличивался. Охотникам становилось неприятно, полковник не знал, кого слушать и кому отвечать. Разлилось море нескладного мужицкого шума. Раздались оплеухи. Бабы завизжали. Загонщики ринулись.

– Стой! – кричал черкес.

– Стрелять буду! – кричал полковник.

Мирон, раненный в глаз, прислонился к воротам и орал во всю глотку:

– Помираю! Деревню спалю! Все выжгу!

Бой длился недолго. Неистовая брань полковника остановила нападающих. Кто поднимал сбитую с головы шапку, кто расчесывал бороду, кто потирал разбитые скулы. Из переговоров выяснилось, что они желают получить свою долю, то есть – ведро водки. Охотники согласились.

– Будь по-вашему, – сказал полковник.

– Ну, вот и делу конец! Трогай, ребята!..

– Коли ежели ведро – все мы согласны! Шабаш! Согласны! Ведро мы, господа мужички, выпьем за ихнее здоровье, а там ежели что – твори бог волю!.. Все под богом! Так ли я говорю? Все я пропил, а бога я люблю! Верую, господи!.. Вот я какой человек! Ведьмедь меня боится! У меня ходи круче!..

Кузьма делал распоряжения.

– Ты, Аким Иваныч, с бабами иди по ручью...

– Что ж я там с бабами буду делать?

– Постой! Опосля вам всем от меня разрешение будет. Пойдешь ты с бабами к ручью, да там меня и ждите. Ребят тоже возьми. Бабы, трогай! А ты, Микитич, веди народ к ста-

рой плотине... Дойдешь до старой плотины и сейчас стой!.. А вы, пищалинские, ступай все за бабами.

Загон тронулся. Осталось несколько мужиков в качестве телохранителей. Мирон пристроился к полковнику.

Охотники подъехали к густому лесу и стали на просеке. Видно было, как вереницей тянулись по пояс по рыхлому снегу бабы, прокладывая путь сзади идущим пищалинским мужикам.

– Что же это они, черти, баб-то вперед пустили, – заметил кто-то из охотников.

– Потому, сударь, баба завсегда помягче, потяжеле мужика, проминать ей дорогу способнее, – ответил шутливо Кузьма.

Вынули номера и пошли все в непроницаемую чащу леса, задевая и отряхивая пушистый снег с густых ветвей сосен. Полковника вели двое под руки. Вышли на поляну.

– Первый номер? – спросил шепотом Кузьма.

– Мой, – ответил молодой человек в изящном полушубке.

– Пожалуйте тут.

Пошли дальше.

– Второй номер?

– Я, – отвечал мрачно черкес.

– Извольте тут становиться.

Третьим номером стал полковник, четвертым какой-то господин в очках, никогда не бывший на охоте и не имеющий об ней никакого понятия; пятым – не знаю кто. Кузьма пожелал доброго часа и пошел в лес делать дальнейшие распоряжения.

Охотники стояли друг от друга на расстоянии сорока шагов. Телохранители сзади, то приседая, то выпрямляясь, следили за малейшим шорохом, за малейшим движением каждого прутика.

Тихо...

Молодой человек в изящном полушубке любовался своим новеньким штуцером, обтирая батистовым платком его стволы. Черкес пил водку из фляжки и делал соображения на случай неприятного столкновения с жильцом соснового леса. Полковник прислонился к дереву и осматривал местность. Господин в очках безучастно смотрел на все окружающее и

раз только полюбопытствовал узнать от мужика – «на задних лапах выходит медведь или просто». – «Всячески, – отвечал мужик, – как ему лучше, бывает – и на лапы подымается».

Над головами охотников пронеслась стая птиц. Из-за леса послышался собачий лай. Выстрел!.. И мертвая тишина соснового бора сменилась нескладным, безобразным криком загонщиков. Все схватились за ружья; телохранители попятились назад.

Кричат...

С притаенным дыханием все смотрят вперед. Черкес сбросил с себя бурку.

– Ваше сиятельство, подайтесь маленько, способнее будет, – сказал мужик полковнику, взявши его за руку и передвигая с места.

Полковник молча повиновался.

Мужики, стоящие около молодого человека, держали рогатины наперевес. Сам он, бледный, беспокойно глядел вперед.

Господин в очках стоял до наивности храбро. Казалось, что ему схватиться со зверем – дело за обычай.

Мирон встал на пень и тупо глядел на ли-

нию охотников.

Кричат...

Черкес поминутно вскидывает ружье. Вот он присел и прицелился. Все встрепенулись. Полковник взял быстро на прицел. Оказалось: фальшивая тревога.

– Баловники! – сказал телохранитель.

Крик на левой стороне усилился. Уж ясно слышатся слова: «Аяй! Береги, береги!..», «У-ту-ту!..», «Идет, идет...», «Батюшки, береги!», «Кричи, кричи...». Лай собачий превратился в отчаянный визг, и на поляне, в виду всех охотников, показался во всей своей красоте большой бурый медведь.

Таф! Таф! Таф! – раздались глухие выстрелы.

Медведь мгновенно повернул и скрылся в чупыге.

Таф! Таф! – отсалютовал ему вслед черкес.

Господин в очках выстрелил два раза в воздух.

Пятый номер закричал: «Тиро!»[24]

Полковник был убежден, что он медведя ранил: ему показалось, что медведь перевернулся. Черкес был убежден, что он медведя

убил, потому что после его выстрела медведь привскочил. Но ни того, ни другого не совершилось: не перевертывался медведь и не привскакивал, а просто целым и невредимым вышел из-под выстрелов.

Полковник начинал сердиться; ему казалось, что левая сторона кричит слабо.

– Что у вас, чертей проклятых, левое крыло спит! Эки анафемы! Убью! – закричал он на весь лес.

– Сударь, что же это вы кричите? Вы ведь медя сбиваете, – заметил ему телохранитель, – он должен опять выйти.

Медведь между тем метался по лесу из стороны в сторону, стараясь прорвать цепь загонщиков. Вотще! Загонщики стояли кучно и кричали немилосердно. Зверь решился на отчаянное средство: он бросился на загонщиков, повалил бабу и вырвался на полную волю с правом лечь в новую берлогу и дожидаться нового обретения, новой депеши, по которой будут вызваны более умелые охотники, которые влепят ему пулю под самую лопатку и украсят его чучелом кабинет или парадную лестницу.

Хотя крик заметно смолк, чувствовалось, что медведь из округа вышел, но полковник не хотел этому верить. Он послал Мирона подбодрить загонщиков. Крик приближался. Уже из лесу слышался разговор. Вот из чащи показалась пара лаптей... вон мальчишка вышел с расстегнутым воротом, вон баба... а вот и Кузьма с Мироном.

– Что же ты, долговязый черт, – набросился на него полковник, – чего смотрел?

– Что делать, сударь! За хвост его не ухватишь, – отвечал уныло Кузьма.

– За хвост! Тебя за бороду надо!

– Воля милости вашей, как угодно, а что ведьмедя действительно выставили.

– А он куда ушел? – спросил господин в очках.

– Да ведь бог его знает, – отвечал неохотно Кузьма.

– Он теперича бежит... Он теперича... с ним теперича ничего не сделаешь. Хоть на лошади – его никак невозможно... – пояснил Мирон.

На поляне рассуждали вышедшие из лесу загонщики.

- Уж как старались – страсть!
- Мы в кругу были. Он как прыснет, да влево и ударился... Ударился он влево, а мы...
- Он мимо меня два раза пробег.
- Снегу сколько я наглотался, полон рот.
- Какой зверища-то здоровенный!
- Да, этакой подберет под себя – пить запросишь.
- Так озяб, пропади эта охота совсем! Ноги так задервенели – на печь, пожалуй, не влезешь.

Молодой человек в изящном полушубке пошел в лес, думая найти^ убитого медведя. Выстрелил там два раза в дерево и опять вышел на поляну.

Все поехали обратно. Черкес при въезде в деревню убил в упор петуха, промолвив: «Тебе этого, что ль, хотелось?»

«Новое время» 4 ноября 1879 г.

Утопленник

Сцена из народной жизни

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Потап, Матвей, Демка – работники на перевозе.

Никита, племянник Потапа, 7 лет мальчик.

Открытый шалаш на берегу реки. На реке паром. Занимается заря.

Кузьма. Как книжка-то прозывается?

Матвей. «Черный гроб, или Кровавая звезда».

Потап. Книжка занятная. В старину, говорят, и в нашей стороне тоже разбойник жил. Знаешь, Булаткин лес... там просека-то...

Кузьма. Как не знать.

Потап. Тут он и жил. И грабил как... страсть! Проезду не было. Дедушка покойник сказывал – он еще махонькой в те поры был: бывало, говорит, соберет махоньких ребятишек к себе в лес, и ничего, не трогает; не то чтобы, к примеру, бил али что, – ничего. Ходи, говорит, ребята, завсегда.

Матвей. Ребят он не трогает. Парнишку махонького за что? Хошь бы вот Микитку? Его за виски, коли он забалуется... Вот его сейчас. *(Берет Никитку слегка за волосы.)* Что, чертенок?

Никита *(смеется)*. Больно!

Матвей. А тебе не больно хотца? *(Никитка смеется.)* Постой, я тебя произведу. Бог даст, подрастешь – репу воровать обучу. Ишь ты, верченой!

Кузьма. А ты, Микитка, скажи: я, мол, и без тебя воровать-то умею.

Никита *(смеется)*. Я и без тебя воровать-то умею, Матвей. Умеешь?! Ах ты, паршивой! Так ты умеешь?!. *(Тянется к нему.)*

Никита со звонким смехом прячется за Потапа.

Кузьма. Микитка, скажи: жену, мол, свою собственную на чаю пропил.

Никита. Жену на чаю пропил.

Кузьма. Свою собственную.

Никита. Собственную.

Матвей. Убью! За ноги, да так в реку и брошу, и матери не скажу.

Никита. Не смеешь!

Потап. Полно, дурашка! Ложись так-то.

Никита ложится на армяк.

Матвей (*одевает его*). Где такой вор-парень родился, в каком полку он служить будет, на какой народ воевать пойдет?...

Потап. Раз дедушка с ребятами пришел к нему...

Кузьма. К разбойнику-то?

Потап. Да... в лес-то. А он и говорит: «Скажи, говорит, старосте, чтоб беспременно в Спасов день на поклон приходил, а то, говорит, красного петуха к вам пущу». Староста заартачился, а он ночью село с обеих концов и зажег. Все тогда погорело! Церква была у нас большая – и церква сгорела. Вот где теперь крест-то стоит, тут церква была. В те поры, как она погорела, крест на самом на этом месте и поставили, чтобы во веки веков стоял... Чтобы, значит, чувствовать.

Кузьма. Чтобы мы это понимали.

Потап. Да, известно. Как, значит, тут церква была и вот теперича, например, крест. И это дедушка сказывал, как эта самая церква загорелась, сейчас до самого неба огненный столб встал... верст за пятьдесят его было вид-

но. И стоял этот столб...

Демка (*входит*). Словно бы по берегу кричит кто-то.

Матвей. Что ж, пущай кричит».

Демка. Может, тонет кто.

Кузьма. Мелко, не утонет.

Потап. Коли ежели около дубу кто сорвался – утонет: там глубоко!

Демка. Лодку нешто отвязать...

Матвей. Что те коробит-то, черт!

Демка. Да мне все одно, я так сказал. (*Садится.*)

Матвей. Кто теперь на реку пойдет, кому нужно?

Демка. Я, братцы, однава тонул.

Матвей. Пьяный?

Демка. Выпимши.

Матвей. Выпимши нехорошо: долго на воде проваландаешься; а пьяный – любехенько: ровно бы ключик, так и опустишь да сядешь на донышко пузырики пуцать.

Демка (*вздрагивает*). Страсть!

Матвей. Река никого не помилует.

Кузьма. Что говорить.

Потап. А меня раз в Волге сом за ногу ухва-

тил.

Все смеются.

Матвей. Вот на черта-то наскочил.

Потап. Сейчас издохнуть.

Демка вздрагивает, Матвей. Да ты что трясешься-то, аль с фальшивым пачпортом по белу свету гуляешь?

Демка. Да так, братец мой, как вздумаю это я, как было утоп-то, так индо лихоманка прохватывает.

Кузьма. Да где же ты это?

Демка. В Прокшинском бочаге.

Матвей. Эк, тебя лешой-то куда занес!

Демка. Были мы у кума на менинах, в Прокшине. Ну, известно, напились. И так я этого хмелю в свою голову засыпал – себя не помню. Кума прибил (*Все смеются.*), тетке Степаниде шаль изорвал... Просто, сейчас умереть, лютей волка сделался. И с чего бы, кажись: окромя настойки ничего не пили. Кум-то: «Что ж ты, говорит, мою хлеб-соль ешь, а сам...» – да как хлясь меня в ухо, хлясь в другое!.. И так мне, пьяному-то, обидно показалось, кажись бы, так вот зубами весь потрох из его выворотил! Вышиб я окно, выско-

чил на улицу да бежать. Дело-то в самое в воз-
движенье было. Ночь темная, дождик так и
хлещет. Выскочил-то я в одной рубашке, да и
бегу ровно очумелый, и не знаю, куда бегу,
больно уж злость-то меня одолела. А собаки
со всего-то Прокшина за мной... Батюшки
мои! Просто на части рвут.

Кузьма. Вот оказия-то!

Демка. Бежал-бежал... раз! Сорвался в
овраг, да колесом вертелся-вертелся... бултых!

Потап. В самый этот бочаг?

Демка. Да.

Кузьма. Ну, чудо!

Демка. Помню маленько: рукой это по во-
де-то бью, а голосу уж этого во мне нет. Ровно
бы почувствовался, да и думаю: тону. Как взду-
мал я это, так ко дну и пошел.

Потап. Значит, испужался.

Демка. Мырнул опять наверх-то, ударил
рукой-то, должно, плыть хотел, – в руку мне
ровно бы что-то попало. Весь хмель соскочил!
Куст тут был; прут от него мне в руку-то и по-
пал; за куст-то я и уцепился. Тут уж в разум
пришел. Вижу, братец, ночь темная, хошь
глаз выколи, ветер так и воет. Висел-висел на

кусту-то, слышу: собаки залаяли, и огонек показался. И закричал же я, братцы, огонечек-то увидавши!.. Давай теперича тысячу рублей – так не крикнешь. Два года опосля глотка болела. Слышу и там кричат... Народ прибежал с фонарями.

Матвей. Как же нашли-то?

Демка. По собакам, собаки означили. Жена за мной выскочила, а за ей и гости, которые побежали. Вытащили меня, привели к куму, опять я этой настойки выпил три стаканчика, согрелся... *(Прислушивается.)* Взаправду кричат... *(Выбегает из шалаша и снова возвращается.)* Выходи все! *(Все выходят.)* Слышь!

Все смотрят друг на друга вопросительно; с противоположного берега слышится глухой стон.

Матвей. Далече!..

Потап. Окрикни.

Матвей. Держись!.. Держи-ись!

Снова слышится стон.

Демка. Тонет, братцы!

Потап. Постой. *(Прислушивается.)* Да! Чья-то душа богу понадобилась. Отвязывай лодку.

Матвей. Эка, наша река блажная! Сколько

она за лето народу переглодает.

Берут весла, отвязывают лодку. Матвей с Демкой садятся.

Потап. Садись живо. Матюха, отчаливай. Права держи... На голос ступай. Ах ты, господи!..

Лодка быстро отваливает.

Кузьма. Где найти: долго больно держался-то! Демка-то еще когда сказывал, что кричит.

Потап. Поди ж ты.

Кузьма. Слава богу, что ночь-то светлая. Ишь ты, зоря-то... белый день... Да вон, вон... видишь – плещется...

Потап. И то!

Кузьма (*кричит*). Вправо забирай!..

С лодки слышатся голоса: «Держись! Держись!»

Потап. Бог милостив. Видишь... окунулся. Вон... опять выскочил. (*Следят внимательно.*)

Кузьма. Сохрани, господи, всякого человека.

Потап. Не видать?

Кузьма. Опустился!.. Должно, конец его ду-

Шеньке...

Потап. Кричит что-то. *(Долго смотрят с напряженным вниманием.)*

Кузьма. Вон поплыл, вон поплыл... Должно, вытащили. Как-то бог дал.

По реке раздаётся неясный говор; всходит солнце; Потап и Кузьма крестятся; лодка подходит к берегу.

Потап. Что, братцы?

Матвей. Подержи лодку-то. Чуть было, сам не утоп. Какой тяжелой, бог с ним. Принимай, ребята.

Потап с Кузьмой выносят труп на берег.

Потап. Не опускай наземь. Качай так.

Матвей. Ничего не поделаешь, – мертвый.

Кузьма. Взаправду мертвый.

Потап. А может... *(Начинают откачивать.)*
Только, ребята, чтобы не разговаривать, не пужать.

Демка. Нет, братцы, смотри-ко: спина-то у его как посинела.

Все смотрят.

Кузьма. Да.

Потап. Воды много наглотался.

Демка, Долго очень.

Кладут труп на рогожу.

Матвей. Как ухватил-то я его, еще он, ровно бы, жив был.

Демка. Подошли-то как мы, еще он держался.

Потап. Мы видели.

Матвей. Долго очень в воде-то я его искал. *(Выжимает подол рубашки.)* Продрог как... Ухватил я его за волосья-то, словно бы ма-ленько шевелился.

Потап. Какой здоровенной парень-то.

Кузьма. Надо быть, купец.

Демка. Купец и есть: ишь, какая одежда-на-то.

Матвей. И как, братцы, это он попал?

Потап. Как попал! Может, ограбили да бросили. Большая дорога по той стороне-то пошла...

Кузьма *(покрывая труп рогожкой)*. Отмаялся ты на сем свете, голубчик.

Никита выходит из шалаша; слышится звон колокола.

Потап. В монастыре к заутрене ударили.

Все крестятся.

Упокой, господи, душу раба твоего.

Все. Упокой, господи.

Матвей (*к Никите*). А ты что ж не крестишься? Крестись.

Никита (*бессознательно*). Упокой, господи, душу раба твоего.

Потап. Что ж, ребята, теперь ступай к становому, Объявить надо, так и так...

Кузьма. Затаскают нас, братцы, теперича.

Демка. Да, не помилуют. Пожалуй, и в острог влетишь!

Кузьма. Хитрого нет.

Матвей. За что?

Демка. А за то.

Матвей. За что, за то!

Демка. Там уж опосля выйдет разрешение...

Матвей. Коли ежели так, я его опять в реку сволоку.

Демка. Экой дурак! Ты крещеный ли?

Матвей. Да как же! За что ж меня в острог...

Демка. Я сидел раз в остроге-то, за подозрение. Главная причина, братцы, говори все одно, не путайся. Месяца два меня допрашивали. Сейчас приведут тебя, становой скажет:

«Вот, братец, человека вы утопили; сказывай, как дело было». Ничего, мол, ваше благородие, это я не знаю; а что, собственно, услышавши мы крик, и теперича, как человек ежели тонет, отвязали мы, значит, лодку...

Кузьма. Ну вот, ребята, слушай, да и помни. Чтоб всем говорить одно.

Матвей. Отвязали мы лодку, подошли к этому самому месту и, значит, вытащили.

Кузьма. Мертвого?

Матвей. Вестимо, мертвого.

Кузьма. То-то.

Демка. А насчет того, что откачивали, — молчи. Потому скажет: как ты смел до его дотронуться? Какое ты полное право имеешь? Коли ежели человек помер, опричь станowego никто не может его тронуть. Так вы это и понимайте.

Матвей. Ишь ты, лохматый черт, как он судейские-то дела произошел.

Демка. Я, мол, как свеча, горю перед вашим благородием, прикажите хоть огни подомной поджигать, — я ничего не знаю. «Я, скажет, братец, верно знаю, что это ваше дело». Говори одно: как вашей милости будет угод-

но, я этому делу непричинен.

Потап. Так, значит, все так и говори. Баб-то нет, некому над тобой и поплакать-то.

Демка. Может, матушка родная по ем теперича плачет.

Матвей. Кто ж, ребята, пойдет?

Демка. Да я пойду.

Потап. Ступай, брат. Ты насчет разговору лучше.

Демка. Я разговаривать с кем хошь могу.
(Идет в шалаш.)

Кузьма. Ах, господин честной, хлопот нам твое тело белое понаделало.

Потап. Богу там за нас помолит.

«Современник». № 1, 1862 г.

На реке

Сцена из народного быта

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дедушка Степан, старик, лет 60, сторож опустевшей барской усадьбы.

Иван, крестьянин, егерь.

Владимир, Ардальон, Вася, Настя, Гришка, Дема и другие – крестьянские дети из ближнего села.

Жареный, 16 лет, учился в Петербурге у портного, отдан родственникам по приговору окружного суда.

На берегу реки, поросшем ивой, землянка. Из реки выдался в берег большой камень. На противоположном крутом берегу старый барский дом, с заколоченными окнами.

ЯВЛЕНИЕ I

Дедушка Степан сидит у землянки, чинит сапог, Иван подходит.

Иван. Бог помощь, дедушка Степан.

Дедушка Степан. Спасибо, милый человек, спасибо тебе. Что бог дал?

Иван. Плохо!.. Пару чирят... (К собаке.) Куш, ляжь тут, подлая.

Дедушка Степан. Что мало?

Иван. С ружьем что-то... очень отдавать стало... нет никакой возможности. Утрость зайца хлестанул, насилу сам на ногах устоял... В кузницу надо зайти, казенник отвернуть... Ильич не проходил?

Дедушка Степан. Выпалил тут кто-то по реке.

Иван. Должно, он, окромя его некому. Надо полагать, он теперича к Кривому колену ударился.

Дедушка Степан. Отошел он, значит, от генерала-то?

Иван. Отошел, места ищет.

Дедушка Степан. А житье, кажись, ему было хорошее.

Иван. Умирать бы не надо, но только и терпеть нет никакой возможности.

Дедушка Степан. Ну!

Иван. Очень уж дерется... Так дерется – страсть! Ежели он теперича стреляет и как, например, мимо – сейчас егеря в ухо. Лучше не стой близко... Сапожки гоношишь?

Дедушка Степан. Да, парнишке Мавриному... починить просил...

Иван. Это черненький-то?

Дедушка Степан. Да, черненький. Вчера прибежал: «Дедушка, говорит, почини». Такой шустрый мальчишка, я таких и не видел. Даром что махонькой, от земли не видать, а пойдет говорить – складнее барского сына. Ежели бы его в ученье в какое хорошее...

Иван. Ты ребят уж больно балуешь, сказывают.

Дедушка Степан. Целый день они у меня тут. Вот жар-то посвалил, все сейчас прибегут. Васютка уж вон там под ивой старается, удит. С большим мне, друг, хуже, верно тебе говорю... не люблю... а парнишко придет – первый он у меня человек. Ты думаешь, парнишко что? Он все понимает, все смыслит, только ты его не бей, не огорчай его...

Иван. Что ты, дедушка Степан, разве возможно их не бить? Первое дело – без этого он не вырастет, а второе дело – ежели его не бить, он тебя почитать не ста «нет... Не очень чтобы бить, а так потрепать инный раз – это очень им в пользу.

Дедушка Степан. Стало быть, ты слов не

умеешь, коли малого ребенка бьешь...

Иван. Да я не бью, мне, примерно, все одно, только словно бы без этого невозможно... Нас тоже лупили порядочно... В фолеторы[25] меня махонького взяли, так, бывало, кучер тебя прибьет, да дворецкий тебе накладет... а в трактир-то в ученье отдали, там пять годов сряду били... Очень уж раз мне пришлось, пошел хозяину жаловаться, так меня сейчас за бунтовство в часть отправили; да чуть было на поселенье не сослали, целый день у хозяина в ногах валялся...

Собака бросается за птичкой.

Еси сюда, подлая!.. Убью!..

Дедушка Степан. Хорошего мало, милый человек.

Иван. Ну, постой! Так будем говорить: наше дело простецкое, а по купечеству теперича не к нам их, к мужикам, приравнять, – теперича я на фабрику к купцу Гладкову дичь представляю, к механику, к англичанину, так вот я тебе что скажу: так этот купец своих'детей жучит, что лучше требовать нельзя. А купец значительный, дочь у его за полковником... Значит, следует.

Дедушка Степан. Бьет шибко, а дети все пьяницы вышли.

Иван. Пьяницы как есть, это что говорить... Пьяницы настоящие. Намедни было фабрику пьяные сожгли... а Семен Митрич вот из этого самого ружья у тешилов-ского мужичка лошадь застрелил. Блажной!.. Опух теперь весь, и хозяйка от его сбежала, в Москве путается...;

Раздается выстрел.

Это Ильич!.. Прощай, дедушка Степан...

Дедушка Степан. Дай бог час!

ЯВЛЕНИЕ II

Вася показывается из-за куста.

Вася. Дедушка, ребята идут, должно, тоже рыбу ловить...

Иван (*закуривая трубку*). А ты, Васютка, умеешь рыбу-то ловить?

Вася. Умею.

Иван. Врешь?!

Дедушка Степан. Хорошо ловит, старается.

Вася. Я намедни такую щуку выворотил, индо удилице затрещало... За три гривеника мы продали...

Дедушка Степан. Щуку важную ухватила

Рыболов будет чудесный...

Иван. Ну, помогай бог... Прощайте... (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, без егеря.

Вася. Дедушка, мы их сюда не пустим, они только рыбу пужают.

Дедушка Степан. Рыбы в реке, батюшка, много. В реке рыба, в лесу птица – все на пользу нам дал господь царь небесный.

Вася (*всматриваясь*). Дедушка, и портной с ними.

Дедушка Степан. Я этого портного... Приди он только! Я ему покажу, как рыбу травить. Ты и не знайся с им, батюшка: окромя худого, от него ничему, не обучишься.

Вася. Он намедни в матку в свою камнем запустил... Уж и драли же его за это. Матка-то завыла, мне, говорит, с им не совладать, а сосед его и поймал... Уж он его вожжей хлестал-хлестал...

Дедушка Степан. Ишь ты, в родительницу!..

Вася. Он говорит, она ему не мать, а сродственница; у меня, говорит, нет ни отца, ни

матери; меня, говорит, из воспитательного дома сюда оборотили...

ЯВЛЕНИЕ IV

Подходят несколько ребят.

Все. Здравствуй, дедушка Степан.

Дедушка Степан. Здорово, молодчики! Далеча ли срядились?

Гришка. Корье, дедушка, драли, домой идем.

Дедушка Степан. Рыбу завтра ловить приходите.

Гришка. Неколи. Ноне корье драли, а завтра лекарь с фабрики велел, чтобы непременно мать-мачеху рвать.

Дедушка Степан. Там, у старой плотины, ее тьма-тьмущая.

Гришка. Мы туда и пойдём. Мы и летось там же рвали.

Дема. Да и за Пьяным бором, по ручью, сколько хошь.

Вася. Мы туда завтра за муравлиными яйцами...

Дедушка Степан (*к портному*). А ты слышишь: ежели ты будешь окормок в реку кидать, рыбу травить, я тебя, знаешь... Ишь ты,

непутный...

Жареный (*становясь в позу*). Не страшно!..

Дедушка Степан. Ты у нас тут всю рыбу по-
травил, озорник этакой! Рыбу бог нам на по-
требу создал, а ты ее травишь. Бесстыдник!
Вася, порой, батюшка, червячков, а я пойду
вершу погляжу... Я тебя так пугну отсюда, что
ты у меня и своих не узнаешь. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, без дедушки.

Жареный (*вслед Степану*). Старый черт!

Ребята смеются.

Вася. Что ж ты дедушку-то ругаешь, он по-
старше тебя.

Жареный. Стара у попа собака! Я все ваши
верши перережу... а сторожку сожгу... ей-богу,
сожгу... (*Кидает в воду камень.*)

Гришка. Что рыбу-то пужаешь! Черт!

Жареный. Ноньче ночью я к попу в сад за
яблоками...

Дема. Не поспели еще... зеленые...

Жареный. Печеные они ничего, скусно.

Дема. А шея-то у тебя крепка?

Жареный. Крепкая, крепче твоей!.. Когда я
в Обуховской больнице лежал, со второго эта-

жа меня спустили...

Гришка. За что?

Жареный. За бельем мы с товарищем у Вознесенского мосту на чердак залезли, а дворники нас и выждали... Пашке сейчас лопатки назад, а я, пока его крутили, хотел шмыгнуть – старший дворник как звизнет меня, так я и покатился...

Все смеются.

Сейчас в больницу. Доктора эти мяли меня, мяли. Нутром, говорят, здоров, только в ребрах у него повреждение.

Дема. Вот так приладил!

Жареный. Порядочно!.. Вылечили меня и сейчас в острог. Следователь допрашивать стал: «Повинись, говорит, скажи, как дело было?» – «Ничего, – говорю я, – не знаю, потому как мне дворники память отшибли и по этому случаю я в больнице лежал». Опосля этого в суд повезли... народу, братец ты мой, жандармы... Сейчас всех присягу примать заставили. «Ты, говорит, какой веры?» – «Здесьней», говорю. «Воровал белье?» – «Никак нет, а что дворники меня били очень и даже теперь рукой владеть не могу».

Дема. Я бы, кажись... *(Смеется.)* Уж очень страм!..

Жареный. А уж меня в остроге один мещанин обучил: «Ты, говорит, главная причина, говори одно: били, да и шабаш». И вышло нам такое разрешение: Пашку в арестантские роты служить, а меня в деревню по етапу. К покрову, бог даст, я опять в Санкт-Петербург уйду.

Гришка. А ежели опять поймают, такова жару зададут.

Жареный. Там канпания большая – ничего. Уж очень там жисть хорошая... слободно... Раз мы в киятре у одного барина...

Из кустов показывается дедушка Степан.

Старый черт этот опять идет... Пойдем, братцы... *(К Васе.)* А ты ему скажи: будет он меня помнить! Я ему покажу. В киятре мы раз у одного барина... *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Вася садится на камень и закидывает удочку. На противоположном берегу показывается Настя.

Настя. Васька, матушка велела домой что-бы...

Вася (*насаживая червя*). Я заночую здесь.

Настя. Матушка серчает. Совсем, говорит, от дому отбился.

Дедушка Степан. Скажи, голубка, дедушка, мол, завтра сам приведет. Они, мол, к вершам пойдут.

Настя. Раньше приходите. Прощайте.

Дедушка Степан. А ты бы... того... рыбу-то бы с собой захватила, сковородки на две у нас будет. Скажи матери, Васютка все наловил.

Настя. Да он ловить-то не умеет.

Дедушка Степан. Нет, ловит важно.

Вася. Я сейчас головля поймал...

Дедушка Степан. Свежая она теперь... Поужинаете...

Настя. Завтра на покос пойдём, обжарим...

Дедушка Степан. А косить-то еще много?

Настя. Росы на две еще хватит. Спасибо, дедушка. Прощайте.

Вася отталкивает лодку на противоположный берег и возвращается.

Вася. Щука давя плеснула вон у этого куста... здоровая!..

Дедушка Степан. Лукавая эта рыба-то... Что-то бог нам в верши послал...

Вася. А далече, дедушка, отсюда?

Дедушка Степан. Нет, недалече... Вот мы поужинаем, да и поедем... Тихо теперь, хорошо... *(Режет хлеб.)* Садись, батюшка... *(Садятся.)* Господи благослови. Ешь, во славу божью. Ты бы лучку погрыз, посоли-ка его, да хорошенько... Вот так.

Вася. Дедушка, намедни к нам посредственник приезжал, народ на сходку сколачивали, чтобы с души по полтиннику и ребят, значит, всех грамоте обучать. А опосля того волостной всех ребят собирал. «Я, говорит, тетка Варвара, Васютку первого возьму». Три копейки мне дал...

Дедушка Степан. Это за твою добродетель...

Вася. А мужики которые, мы, говорят, ребят своих не выдадим... В кабаке подрались. Коряга уж очень кричал.

Дедушка Степан. А волостной-то что?

Вася. Долго он с ними ругался, а Коряге говорит: «Я тебя, говорит, в солдаты отдам». А Коряга ему: «Я, говорит, три затылка зарастил, – меня отдать невозможно...»

Дедушка Степан. Это, батюшка, хорошо. Ежели ты обучишься, – первый человек бу-

дешь. Кто пером умеет, такому человеку за-
всегда просвет есть. Не токма по-нашему, по
крестьянскому делу, а ежели и господин, ко-
торый необученный... Доедай, доедай, голуб-
чик, простынет.

Вася. Я уже сыт.

Дедушка Степан. Ну и слава тебе господи.
Бог наплатил, никто не видал!..

Вася. Темно как стало.

Дедушка Степан. Темно. Теперь лихому че-
ловеку хорошо, теперь уж лихой человек на
дорогу вышел.

Вася (*заливает*). Я боюсь ночью-то.

Дедушка Степан. Чего, голубчик, бояться.
Доброму человеку бояться нечего, лихих лю-
дей здесь нет, они теперь на проезжей дороге
али к городу где поближе, где народ ходит, а
здесь им делать нечего – люди мы с тобой бед-
ные, взять с нас нечего.

Вася. Страшно очень. Раз мы с матушкой
за хвостом ездили да в овраге к ночи-то и
застряли...

Дедушка Степан. Испужались!

Вася. Страсть!.. А в барском доме, дьячок
сказывал, никому невозможно ночью прой-

ти...

Дедушка Степан. Ну!..

Вася. Сейчас умереть!

Дедушка Степан. Что ж там?

Вася. А старый барин там по ночам ходит.

Дедушка Степан. Зря болтают, батюшка. Сам я ему, голубчику, и могилку-то копал, и косточек-то его, поди, нет теперь.

Вася. Нет, дедушка, видели – ходит... Сердитый...

Дедушка Степан. Полно, глупенькой, врать-то...

Вася. Очень уж мне жутко, дедушка.

Дедушка Степан. А ты сотвори молитву... Садись в лодку.

Вася (*садится*). Темь какая по реке-то... Тихо...

Дедушка Степан (*зажигая фонарь*). Ночь, батюшка... Ночью завсегда тихо. А ты вот что: ты реки ночью не бойся... Я с малых лет на реке живу, с малых лет я ее знаю... Говорят ежели что, ты этому не верь, мало что бабы болтают. Вот ежели в лесу, там страшно – и зверь попадается, и все... а в реке, окромя рыбки-голубушки, никого нет, и та спит теперь. Вот

мы верши посмотрим да в стогу и заночуем... сено-то свежее... чудесно!.. (Отпихивает лодку от берега.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Иван, Владимир, Ардальон.

За сценой: «Степан Архипыч, погоди, нас на ту сторону перетолкнешь».

Иван. Я им на устреть пошел, а они тут.

Дедушка Степан. Охотничкам, егерям почтенным!

Владимир. Степану Архипычу самое низменное!

Дедушка Степан. Здравствуй, Володюшка, здравствуй. (К Ардальону.) И ты с ними бродишь?

Владимир. Скуки ради и он с нами. Человек без дома – тоска одолеет. Сверни папирочку.

Ардальон. Сейчас, Владимир Николаич.

Владимир. Мы ведь, собственно, не охотиться, а для развлечения... даже гитару с собой носим.

Ардальон. Извольте, Владимир Николаич.

Владимир. А вы тут огонек разложите.

Дедушка Степан. Без огня скучно.

Владимир. Да с огнем еффехтней, это твоя правда. А ежели можно у тебя рыбы какой достать и уху нам сейчас приготовить? Я бы теперь порционную стерлядку по-русски съел.

Иван. А то по какому же ее есть?

Владимир *(с иронией)*. Дурак!

Иван. Посмотрю я на тебя, Владимир Николаич, барином тебя назвать нельзя, а говоришь ты...

Владимир. Поживи в обществе – и ты будешь говорить по-другому... Так можно относительно рыбы?

Дедушка Степан. Сейчас, батюшка, гость дорогой. Вася, поди-ко с ведерочкой, сачок возьми. Зацепи там... сейчас, батюшка, сейчас. Давно ты не бывал у меня... Прежде все бывало...

Владимир. Обстоятельства разные... да и некогда.

Иван. Опять это и барин его теперича прогнал, места искать надо... А места нынче – поди-ко сунься.

Владимир. Нас никто не прогонит, мы сами уйдем, но бить себя не позволим... Не тронь! Не то время! Другой коленкор, вот

что!.. (К Ардальону.) Дай огня.

Ардальон. Сейчас, Владимир Николаевич.

Дедушка Степан. Что у вас за дела с ним вышли?

Владимир. Сам посуди, Степан Архипыч, человек ты умный: нет никакой возможности. При моем положении и вдруг...

Иван. В ухо!

Владимир. Ведь это черт знает что такое!..

Дедушка Степан. Хорошего мало.

Владимир. У меня крестный отец титулярный советник, крестная мать... какими они глазами на меня смотреть должны... Нет, шалишь!.. Не позволю!

Ардальон. Ежели над собой позволять...

Владимир. Сверни папироску.

Ардальон. Сейчас, Владимир Николаич.

Владимир. Раз ему спустил, два спустил, на третий говорю: «Нет, говорю, ругаться вы можете сколько угодно, а оскорблять действием я себя не позволю. Не тот коленкор!» Поехали мы зимой на медведя, а я в это самое время влюблен был и, как нарочно, в этот день свидание назначил. Ты знаешь, что значит де-вушке свидание назначить и, между прочим,

обмануть. И ее в конфуз поставить, и самому стыдно. Смерть мне ехать не хотелось, но делать нечего. Стали на номера. Мороз, страсть! Прислонился я к дереву, да и думаю: жуирует она теперича жизньню, делает променаж по Невскому, без друга... а я здесь зябну как собака. И так мне грустно стало, такие мечты пошли...

Ардальон. Известно, в этакое положение.

Владимир. Дай огня.

Ардальон. Сейчас, Владимир Николаич.

Владимир. Думаю: как бы мне было приятно заключить ее в своих объятиях, в это время медведица, пудов четырнадцать... фюить!... За линию... Так я и замер...

Иван. Ну, а он тебя сейчас клочить – не зевай... Я бы тебя не так; я бы тебя...

Вася (*входит*). Два головля, четыре окуня, а плотву я не считал.

Владимир. Заправляй скорей... (*К Ардальону.*) Ну-ко, сделай коленце. (*Играет.*) Али песню спеть... Затягиваю. (*Поют.*)

*Не шумите-ко вы,
Да вы ветры буйные!
Не бушуйте-ко вы,*

*Да вы леса темные!
Ты не плачь-ко, не плачь,
Душа красна девица...*

Иван. Нет, постой, вот что: помнишь, ты в кабака действовал...

Владимир. В каком кабаке?

Иван. Пьяный в те поры... в Саюкинском... Пел он, Степан Архипыч, песню Санкт-Петербургскую, как чудно... страсть!..

Владимир. Я не помню.

Иван. Да об покрову... Ну, еще тебе лопатки назад скрутили... И что вы, черти, в те поры водки сожрали... Кажинный по стаканчику поднес, песня-то очень складная.

Владимир. Играй.

Ардальон играет.

*Я по травке шла,
Тяжелехонько несла —
Коромысло да валец,
Еще милого платок.
Я на камушек ступила,
Чулоч белый замочила.
Мне не жалко туфелька —
Жалко белого чулка.
Я с хозяином расчелся —
Ничего мне не пришлось*

Иван. Жизнь вам, холоуям, умирать не на-
до.

Сборник «Складчина». 1874 г.

Послесловие

Неподражаемый рассказчик

«Кажинный раз на этом месте...» Немногие знают, что эти крылатые слова впервые произнес прославленный рассказчик Иван Федорович Горбунов.

Крестьянский сын из подмосковного фабричного села Ивантеевка, «из-за стесненных средств» покинувший третий класс гимназии, Горбунов занимается перепиской, дает уроки в небогатых купеческих домах Замоскворечья. Он наблюдает быт и нравы московского захолустья, жадно вслушивается в удивительные извивы образной русской речи, почти ежедневно посещает дешевый раек Малого театра.

Москва 1849 года... Никому не известный юноша Горбунов каллиграфическим почерком переписывает никому почти не известную комедию «Банкрот». Вечером к переписчику зашел белокурый, франтовато одетый молодой человек, лет двадцати пяти – автор комедии.

– Позвольте вас спросить, – робко обратился к нему Горбунов, – я не разберу вот этого слова.

– «Упаточилась» – слово русское, четко написанное.

Так впервые встретился автор «Банкрота» («Свои люди – сочтемся») А. Н. Островский с лучшим другом и соратником своим И. Ф. Горбуновым.

Горбунов одно время и жил в доме А. Н. Островского. Здесь в 1853 году сотрудники «молодой редакции» «Москвитянина» услышали его первые рассказы из народного быта. Прием был восторженным.

Знатоки и чародеи звучащего русского слова Александр Островский и Пров Садовский сразу же разглядели необыкновенность горбуновского таланта. Они его первые ценители, вдохновители, наставники. Садовский страстно пропагандирует новоявленный талант по всей Москве. В 1854 году в свой бенефис он выводит Горбунова на сцену Малого театра в роли молодого купца в пьесе М. Н. Владыкина «Образованность». А через год при содействии Садовского и Тургенева Гор-

бунов переходит навсегда в петербургский Александрийский театр.

Живя в Петербурге, Горбунов остается москвичом. Кончается театральный сезон, и он устремляется в город своей юности. В Москве у него остались и лучшие друзья – кружок «молодой редакции» «Москвитянина»: Пров Садовский, Аполлон Григорьев, Евгений Эдельсон, Тертый Филиппов, Борис Алмазов, Николай Рамазанов и другие. Душой «молодой редакции» был А. Н. Островский. Здесь царил культ слова, культ старинного русского быта. Здесь же родилась и неосуществимая попытка найти истинно русские народные характеры в среде самодурного купечества.

А. Григорьев, обращаясь к «старым» славянофилам, писал: «Убежденные, как и вы же, что залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, – в классах, не тронутых фальшью цивилизации, – мы не берем таковым исключительно одно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую, извечную Русь».

Эти славянофильские взгляды сказались даже в пьесах Островского «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется» и особенно в «Бедность не порок».

Но почему только один член «молодой редакции» Иван Горбунов не поместил в славянофильском «Москвитянине» ни одного произведения? Почему он первое свое печатное произведение «Просто случай» отнес в журнал западников «Отечественные записки»? Да потому, что не защита «человеческого» в пьяном русском купце, а осмеяние его – вот пафос этого произведения, разделивший Горбунова с славянофилами. В своем творчестве он всегда оставался писателем-демократом, верным учеником Островского. Влияние «молодой редакции» сказалось более на известной аполитичности Горбунова.

Публичные чтения своих сцен Горбунов начал в 1855 году в Москве и Петербурге. Это был какой-то неслыханный взлет артистической славы, Вскоре по приезде в Петербург он пишет отцу: «Теперь у меня приглашение за приглашением; признаться сказать, попринадоело... Не знаю, чем кончится моя карьера, а

начата так блестяще, что ни один актер так не начинал своего поприща: «Да какой актер? Из литераторов-то».

Репертуар еще весьма скромнен «У квартального надзирателя», «Мастеровой» да начавшая свое триумфальное шествие сцена «У пушки». Вот и все. А слушатели не замечают этой ограниченности. В десятый, в сотый раз несется требовательное: «У пу-у-шки!..», «У пу-ушки!..», «Читайте «У пушки!».

Обостренное чувство слова, чарующая правдивость интонаций, тембра, ритма речи героев, тонкая юмористическая наблюдательность, уморительная мимика, игра глаз – вот что покоряло зрителей в этом «актере из литераторов-то». И как-то сразу всем стало ясно – на русской земле появился талант новый, неизвестный.

Невольно вырвалось словечко «неподражаемый», да так и осталось постоянным эпитетом горбуновского таланта. Подражать Горбунову и нельзя. Полное и мгновенное перевоплощение в своих героев, редкостный дар имитации, богатство мимики, неисчерпаемое многоголосие – это мог только Горбунов.

Один он мог делать свои «перемолвки на двенадцать голосов». И всякий, кто не видел, а лишь слышал рассказчика, был убежден, что где-то по-соседству беседуют, спорят, восторгаются и негодуют двенадцать характеров, двенадцать живых людей, а то и целая уличная толпа.

Запечатлеть и выразить характер в одной реплике – это, на зависть всем драматургам и актерам прошлого и настоящего, умел только Горбунов. Рассказы его надо было слушать в его же исполнении. Но и читая их, мы слышим интонацию героев. Городовой уводит в участок астронома-любителя. Толпа обывателей комментирует это событие. Слышится: «На Капказе бы за это...»

Одна реплика. И перед нами старый забитый служака, для которого высочайшая, святая справедливость – офицерская зуботычина.

Где имитация – там и курьезы. Горбунов совсем не знал по-английски. Англичане же, слушая его речи и не понимая ни слова, были абсолютно и приятно убеждены, что их приветствуют на родном языке. У Горбунова даже

был, не сохранившийся в записи, рассказ «За-атлантические друзья». На банкете выступают виновники торжества – американцы. У каждого особый тембр и ритм речи в соответствии с характером и темпераментом. И все это на «английском» языке, сымпровизированном Горбуновым.

Писатель и актер Горбунов – «мастер характерной детали, лаконичного сгущенного мазка». Это его стихия. В ней он нашел себя, свое призвание, свое место в искусстве. Большие роли, по-видимому, не укладывались в его исполнительскую технику. Прослужил он в Александрийском театре 40 лет. Островский назначал ему роли во всех премьерах своих пьес. Но только Кудряша в «Грозе» он сыграл с подлинно горбуновским комедийным лиризмом, Кудряш – Горбунов вошел в золотую галерею русских сценических образов.

Горбунов – новатор, первооткрыватель и неподражаемый мастер в другом жанре. Он становится властелином подмостков, антрактов, актером без рампы и декораций. Горбунов упрочил на русской сцене устный эстрадный рассказ. Радуюсь за своего талантливого

ученика, Островский говорил: «Горбунов читает совершенно моим тоном». Но Горбунов пошел и дальше своего учителя. Он раздвинул возможности звучащего слова, открыл его новую, эстрадную стихию.

Не только редкий дар имитации и импровизации, необыкновенность исполнительского мастерства создали Горбунову крылатую славу. Злободневность сцен из народного быта, гуманизм автора вызывали громадный интерес слушателей в годы борьбы за освобождение крестьян от крепостного рабства. На литературных вечерах, благотворительных концертах, а чаще на дружеской вечеринке повествовал актер-рассказчик о жизни народа. И, выйдя на сцену Александринского театра в антрактах, на бенефисах своих друзей, этот «отец русской эстрады» переносил своих слушателей от репертуарных замков и будуаров, еще частых в то время, в московское захолустье, в деревенскую глушь.

В сценах из народного быта – тонко подмеченная Горбуновым психология незаметного русского человека, горемычная жизнь крестьян и фабричного люда.

Крестьянам и фабричным Горбунова присуще любовное, какое-то просветленное отношение к русской природе. В ней они черпают силу, свою житейскую уверенность. Лес, луг, река, их обитатели с непременными лешими и водяными – это особенный, поэтический мир простого человека. У чудаковатого героя сценки «Безответный» природа – страсть, самозабвение, вся жизнь: «Народ – кто в трактор, кто куда, а я в лес...» Но и эта безобидная, поэтическая любовь приносит герою страдания.

Страдания и слезы – неотвязные и печальные спутники жизни народной в рассказах Горбунова. «Вся-то жизнь наша слезы, – говорит старик в «Медведе», – родимся мы во слезах и помрем во слезах... И сколько я этих слез на своем веку видел и сказать нельзя».

Дореформенные и пореформенные крепостники всегда вызывали ненависть автора. Крестьяне Горбунова еще неспособны на активный протест. Они протестуют своеобразно – отмежевываясь от господ, оберегая свою чистоту, а подчас свои наивные представления, даже темноту свою.

Да и кто развеет эту темноту русского мужика! Ведь «господам служили, а господину зачем наша наука, – резонно рассуждает Прасковья в «Визите»... – Опять же покойница барыня, царство ей небесное, терпеть не могла, кто книжки читает».

Вот почему существование лешего и водяного – это уж вне сомнения, «кого хошь спроси», да к тому же у лешего и вид вполне определенный: «одна ноздря, а спины нет». Как должное воспринимается и слух о явлении в церкви... анафемы с седенькой бородкой, и то, что англичанину все возможно – ведь он верит... в петуха. И эти наивные верования крестьяне оберегают от господ. «Дворянин один в Калуге не верит в лешего», «Но много он знает – дворянин-то?!», «Да что доктора, – утверждает охотник в «Медведе», – для господ они, может, хороши, а нам они ни к че, му... Нашу натуру они не знают, порошки ихние на мужика не действуют». Так улыбка Горбунова просто и своеобразно развенчивала разглагольствования официальной пропаганды о единении и взаимной любви угнетателя и угнетенного.

В юморе Горбунова – раздумье о тоске-печали мужика, у которого, по меткому выражению крестьянина в «Медведе», «душа в грудях заросла». Но и эта «заросшая», темная душа сознает свое человеческое достоинство, а сказать-то о нем может только в песне, да и то, если господ нет дома:

*«Ах, нас, крестьян,
Господа теснят!
Мы не ряженые,
Не помаженные,
Ай в нас душа...»*

Правдивым и колоритным изображением этой «заросшей души», для которой высшее счастье, «коли запрету от господ нет», которая рвется «на произволенье», Горбунов вносил свой вклад в освободительную литературу шестидесятников. Не случайно его поэтический рассказ «Лес», и овеянный грустным юмором «Утопленник», и трагически-безысходная сцена «На большой дороге» печатались в «Современнике» Некрасова и Чернышевского.

«До конца, до мельчайших подробностей ведомый мне мир», – говорил о «темном цар-

стве» Горбунов. Непреступны для свежего ветра высокие заборы замоскворецкие, плотно прижатые ставни, накрепко захлопнутые двери. Непреступно для нормальных человеческих мыслей и чувств ожиревшее сердце купеческое. Сонная одурь, прерываемая диким хмельным разгулом, – вот стихия «темного царства» в сценах из купеческого быта Горбунова.

К концу масленицы от неумеренного блинообжорства купеческий дом «одурел». Молча глядят животы, слышно чье-нибудь громкое икание, да хозяйский сын Семенушка воскликнет: «Манька, я... я забыл, сколько съел...» И последует бабушкино успокоительное; «Ешь, Семенушка, ночью не дадут...»

Беспредельный талант имитатора и мимиста часто увлекал Горбунова на изображение разгульных купеческих оргий. Как никто другой, умел артист-рассказчик вызвать смех-отвращение к забавам захмелевших купчиков. У мужика хмель-забвение – «пей – забудешь горе». Пьяный мужик Горбунова жалок и несчастен. К купцам же Горбунов жалости не находил. Слишком часто видел он, как само-

дуры «в гостинице «Ягодка» мазали горчицей лицо трактирному служителю». И, отрезвев, купец, не видя в этом ничего плохого, объясняет судье с самодурной наивностью: «Какая же тут моя вина, ежели мы за свои деньги... ежели и смазали маленько – беды тут большой нет; если бы его скипидаром смазали... опять и деньги мы за это заплатили».

«Деньги... За все заплачено...» Вот единственные основания купеческой нравственности – самодурства и своеобразной невежественной гордости. Чем нелепей, невежественней, бесчеловечней поступок – тем больше любованию им. Какой-то грамотей-просветитель пытается разъяснить обывателям московского захолустья причины солнечного затмения. О его невесело начавшемся утре мы узнаем из одной реплики купеческого прихлебателя, восхищенного «подвигом» своего Ивана Ильича: «Спервоначалу зашел в трактир и стал эти слова говорить: «Теперича, говорит, земля вертится», – а Иван Ильич как свистнет его в ухо!.. «Разве мы, говорит, на вертушке живем?» Кончилось все участком, и попал туда не Иван Ильич, а несчастный про-

светитель.

В сценке «Развеселое житье» купец выявляется в своих убеждениях еще определеннее. Замечание какого-то господина, что безобразничать с дамами в трактире – «ваше одно необразование», распоясавшийся лабазник «опровергает» сногшибательным ударом.

Картины купеческих нравов в сценах и очерках Горбунова – своеобразное и красочное дополнение к сочинениям великого русского драматурга, бытописателя и обличителя «темного царства» А. Н. Островского.

Горбунов расслышал в народе великий страх перед неправдой полицейщины и бюрократии. На околице убит молнией человек. Мы чувствуем, слышим смятение всей деревни: «Теперь и не разделаешься». Вдруг испуганное, вводящее в дрожь: «Становой!.. Становой!..»

И у мужиков к безвинному Петрухе, первому увидевшему убитого, просьба боль, просьба-страх: «Петрушка! Голубчик, не погуби! Все на себя прими».

Квартальный и становой пользуются у Горбунова вниманием особым. Ведь эта, так

сказать, непосредственная власть страшна крестьянину и московскому обывателю. Сии блюстители порядка могут привлечь к ответу по любому поводу, а то и просто без повода. А коли привлечен, доказывать невиновность – труд напрасный, и остается твердить в любом случае одно и то же: «К этому делу непричинен». Такое же испуганно-недоверчивое отношение простого человека и к суду, и ко всякой власти вообще. Это чувство русского мужика и правила жизнеповедения, вытекающие из него, первый исследователь творчества Горбунова, известный юрист А. Ф. Кони, назвал «целым правосозерцанием, над которым нельзя не задуматься».

Полицейский в сценах Горбунова – это молодой, неукротенный Пришибеев. Время Горбунова – расцвет пришибеевской методы. Горбуновскому Пришибееву никто не возражает. Он не рассуждает, он действует. Арестует портного, собравшегося лететь на воздушном шаре. И кто-то из обывателей резонно замечает: «И как это возможно без начальства лететь?» Любитель-астроном и городской ведут весьма обычный разговор, в котором мы

ясно слышим пришибеевскую интонацию:

«– Вы тогда поймете, когда в диске будет.

– Почтенный, вы за это ответите!

– За что?

– А вот за это слово ваше нехорошее...

– Сейчас затмится!

– Может, и затмится, а вы, господин, пожалуйте в участок».

Очень мало сохранилось рассказов Горбунова о российском судопроизводстве, дававшем его таланту богатейший материал. Только по воспоминаниям современников мы знаем теперь один из шедевров Горбунова «Политический процесс», где российские держиморды и ляпкины-тяпкины ведут удивительно серьезное и до нелепости смешное разбирательство дела крупного государственного преступника, оказавшегося обыкновенным пьянчужкой. Вместе с артистом умерли и сценка «Земское собрание», и рассказ о прибавке жалования уездной полиции, и, наконец, сатирическое изображение несуществующего русского парламента, по вполне понятным политическим соображениям рассказываемое в тесном кругу друзей. Только из-за

победоносцевской цензуры не попало в печать ни одного рассказа о жизни духовенства, которые, по воспоминаниям современников, были многочисленны, на редкость колоритны и остроумны.

Высмеивая крючкотворство судей, рукоприкладство городских, жульничество духовенства, Горбунов был другом, помощником и активным деятелем прогрессивной сатирической журналистики шестидесятых годов.

Не многим известно, что у Козьмы Прутков был родной брат – генерал Дитятин. Это самое вдохновенное создание Горбунова. Свой редкий талант он воплотил в образе старого аракчеевского служаки, дающего свои оценки любому политическому и общественному явлению пореформенной России.

Прикрываясь этой яркой сатирической маской, артист зло и остроумно издевался над всеми видами российского мракобесия, шовинизма, ретроградства и тупоумия. Воззрения Дитятина, в изображении Горбунова, реакционнее реакционнейших «Московских ведомостей» М. Н. Каткова. На сей счет мы имеем даже самопризнание Дитятина, внесенное им в

свою «Записную тетрадь старого москвича»: «Не во всем я с мнением «Московских ведомостей» согласен».

Все прошлое вызывает в ретрограде Дитятине умилительно-восторженное воспоминание. Настоящее – только генеральскую ненависть, раздражение. Дорожил генерал Дитятин больше всего солдатской муштрой, столь усердно насаждавшейся Аракчевым и Николаем I, которая столь блистательно привела к крымской катастрофе. Впрочем, к этой катастрофе генерал Дитятин «непричинен». Ведь именно он всегда утверждал, что «солдат создан не для войны, а для караульной службы». И приводил убедительный аргумент знатока: «Война пачкает мундиры и разрушает строй».

Генерал Дитятин не только без устали негодовал на военное министерство, введшее обязательную воинскую повинность вместо двадцатипятилетней солдатчины. Он любил потолковать и о политике. Однажды предложил «вводить православие посредством пирогов», придумал «налог на пуговицы», от имени генерала Дитятина Горбунов заклея-

мил различные виды политического отступничества фразой: «В России всякое движение начинается с левой ноги, но с равнением направо».

Литературный кумир Дитятин – Державин. Ни Гоголя, ни Некрасова, ни Тургенева, ни Островского, ни Толстого он не признавал. И всегда жалел, что граф Бенкендорф был слишком либерален с «легкомысленным Пушкиным». И только на пушкинских торжествах 1880 года Дитятин открыл – фамилия Пушкин происходит от слова... «пушка»! Последнее несказанно порадовало его генеральское самолюбие.

Не чужд был Дитятин и науке. На его сочинениях «Превосходство кремневого ружья» и «О возможности столкновения на реке Шпрее» даже шах персидский собственноручно написал: «Благодарствую. Не оскудевай умом». И все-таки, в отличие от Козьмы Прутковэ, генерал Дитятин не умел держать перо. Только на обедах, литературных вечерах, торжествах, дружеских вечеринках, а то и просто на улице «шамшил» и брюзжал генерал Дитятин под раскатистый смех слушателей, утвер-

ждая непреклонность своих окаменевших воззрений. Бесчисленные остроумнейшие экспромты, реплики, каламбуры, изречения, импровизации на юбилеях Пушкина, А. Майкова, Григоровича, Айвазовского, на частых обедах друзей-бенефициантов – все сказанное Дитятиным за тридцать лет исчезло безвозвратно. И теперь читаем мы только тост-экспромт в честь Тургенева, два дружеских остроумных письма, речь при открытии танцевальной залы да его небольшую записную тетрадь.

Популярный генерал Дитятин продолжает жить и после смерти своего создателя. Он становится нарицательным персонажем, «автором» литературных мистификаций. От имени горбуновского генерала читатели пишут анонимные сатирические письма в редакции газет. А в 1907 году в сборнике «Из архива генерал-майора и кавалера И. Ф. Дитятина 2-го. Мемуары и переписка» бездарный царский генералитет высмеян стилем горбуновского героя. Почти на каждой странице этого сборника суждения Дитятина соседствуют с изречениями его друзей – сатирических героев

Салтыкова-Щедрина. Таков этот очень поучительный и так несправедливо забытый сценический образ Горбунова, друга и союзника сатириков-искровцев.

Необыкновенную чуткость к слову, к его истории проявил Горбунов и в стилизациях челобитных, указов, грамот и писем XVII–XVIII веков, его подделки старинной письменности принимались за чистую монету даже знатоками русской старины. Известный историк и этнограф П. И. Савваитов, прочитав «Письмо русского боярина из Эмса», удивился существованию в XVII веке... рулетки. И еще более был поражен, узнав, что этот «боярин»... актер Горбунов.

В своих устных фельетонных сценках Горбунов едко пародировал слог судей, учителей, священнослужителей. Любил Иван Федорович высмеять стиль современных журналистов. Он опубликовал два номера «Ватерпаса» – газеты, уравнильной для всех партий. В этой оригинальной пародии остроумно соединены пустозвонство либеральной и скандальность бульварной прессы. Читая стихи, повести и романы своих современников, Гор-

бунов собирал материал для стилистической хрестоматии «Как писать не надо».

Веселый рассказчик Горбунов любил вспомнить и превратить в сатирический афоризм услышанное выражение. В уцелевшем отрывке его записной книжки есть такая ставшая крылатой фраза петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова: «Я ему дело говорю, а он мне закон тычет». Здесь же и сечение учителя истории: «Надо же, что было тысячи лет тому назад, а что вчера было – не помню». И большинство записей Горбунова – это услышанное: «Крестьян отняли, теперь им очень скучно», «За слияние интеллигенции с капиталом» (тост), «Три любовника, а любить некого», «Ошиблись во взглядах: вы думали, что я дурак, а я думал, что вы умный», и т. д.

Эти ежедневные неутомимые поиски слов приводили иногда к совершенно неожиданным, оригинальным результатам. В журнале «Русская старина» Горбунов опубликовал саркастический словарь. Название – «Розгословие». Содержание – глаголы, употреблявшиеся при истязании русского человека полицей-

скими, сельским начальством, воспитателями духовных и светских училищ. Вздрючить, взъерепенить, изъерихонить, отжварить, отрезвонить, выпороть, отпороть, запороть и т. д. – целый словарь надругательств. И горькой иронией в годы жестокой реакции восьмидесятых годов звучал подзаголовок «Розговория»: «Слова, вместе с выражаемыми ими действиями, вышедшие из употребления в новой и свободной России после 19 февраля 1861 года».

Мертвящую реакцию восьмидесятых годов испытал на себе и Горбунов. В одном из писем горькое признание: «В последние два года я был окончательно выбит из репертуара и уже начал терять энергию. На сцену меня не пускали, а в публичных концертах и литературных вечерах, даже со своими собственными произведения «ми, появляться запрещено». И Горбунов отходит в своих рассказах от острой социальной тематики. Все чаще смежит он слушателей аристократических салонов и захмелевшую молодежь царского дома. Все реже, беззлобней знакомый голос генерала Дитятина. И его самая острая сатирическая

сценка «Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности», созданная в 1883 году, – лебединая песнь в его обличительном творчестве. А Горбунову в это время было всего 52 года. Умер он в 1895 году. В последнее десятилетие он создает в основном нравоописательные очерки.

Иван Федорович Горбунов... Это имя стало синонимом неповторимости таланта. И в первую очередь – это неповторимость горбуновского языка. Многоцветность стилистической палитры Горбунова – яркое, поучительное доказательство неисчерпаемости выразительных средств русского языка. В его рассказах и очерках образный и меткий язык крестьянина, фабричных рабочих, купечества. Мы слышим речи деятелей суда и земства. Сценки Горбунова – уникальнейшая «магнитофонная» запись живой звучащей речи сороковых – восьмидесятых годов прошлого века.

Горбунов и сам много сделал для обогащения русской речи. Он окрылил многие выражения. Эта крылатость «горбуновских словечек» родилась из самого существа его нераздельного таланта писателя и актера-рассказ-

чика.

В миниатюрах Горбунова отсутствует интрига, а иногда и всякое действие. Это картинки жизни. И только через диалог вырисовывается психологический облик персонажей. Язык действующих лиц настолько характерен, так метки и индивидуальны реплики, что мы чувствуем до осязаемости обстановку, слышим интонации персонажей, лучше всяких ремарок улавливаем их психологическое состояние. Характерность, точность, краткость реплик и создает афористичность языка горбуновских миниатюр. «Словечки» Горбунова: «Кажинный раз на этом месте», «От хорошей жизни не полетишь», «Ядро особь статья, а бонба особь статья» и другие – нередко в своих полемических статьях использовал В. И. Ленин.

Чтением своих рассказов-миниатюр Горбунов приобрел неслыханную всероссийскую известность. Актер Горбунов совершал многочисленные поездки по России. Он создал эстрадный жанр устного рассказа, породил многочисленных последователей, литературных и сценических двойников. Уже в семидеся-

тых годах выходят поддельные «Сцены из народного быта» Горбунова в трех частях. Если «Сцены из народного быта» самого Горбунова издавались шесть раз, то эта подделка выдержала девять изданий. А десятое по какой-то непонятной причине появилось даже в 1923 году.

Один из бесчисленных друзей артиста, писатель-этнограф С. В. Максимов, вспоминает, как искажали бездарные подражатели один из шедевров Горбунова, сцену «У пушки»: «Рассказ этот был подхвачен различными добровольцами и разнесен по всем городам обширного царства. Шепелявые молокососы из недоучившихся гимназистов, скитальцы, «перелетные птицы» из неудавшихся и потерянных провинциальных актеров лезли с этим рассказом на подмостки увеселительных заведений, которые с середины пятидесятых годов выростали, как грибы. Подражатели бессовестно, из слепого стремления к вящему успеху уродовали коротенький рассказ самодельными вставками, безобразно растягивали его до томительной скуки...»

А некоторые рассказчики и прямо выдава-

ли себя за знаменитого артиста. С одним из таких двойников встретился в провинции сам И. Ф. Горбунов.

Исследователь истории русской эстрады Е. М. Кузнецов в книге о Горбунове отмечал: «На садово-парковой эстраде шестидесятых – семидесятых годов стали появляться разные Горбунковы, Горбунчиковы, Горбунковские – беспомощные, жалкие копировщики, искажавшие облик Горбунова, вызывавшие совершенно ложное о нем представление как о развязном зубоскале псевдонародного толка, рассказчике плоских и пошлых бытовых анекдотов».

Появление подражателей – неизбежный спутник успеха. Но оно же и свидетельство своевременности появления таланта, каким и был Горбунов, вызвавший к жизни эстрадное искусство во всех уголках России.

Редкостный талант Горбунова и доброта его открытой русской души сделали его приятелем буквально всех выдающихся представителей русской литературы и искусства. С некоторыми из них он был в большой и сердечной дружбе. Это в первую очередь А. Н.

Островский, П. М. Садовский, Н. А. Некрасов, М. П. Мусоргский, А. Ф. Писемский, Д. Д. Минаев. «Милейшему и добрейшему Ивану Федоровичу Горбунову», – писали Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. Е. Репин, К. Маковский, В. А. Слепцов, А. Н. Плещеев, В. Курочкин и многие другие.

Неоднократно бывал Горбунов за границей. В первую поездку с А. Н. Островским в 1862 году они посетили в Лондоне А. И. Герцена, который произвел очень большое впечатление на Горбунова. Герцен поразил его «силою своего таланта» и «тем дьявольским остроумием», которым он, по словам Горбунова, отличался. И Горбунов после двух-трех рассказов, среди которых, кажется, был «Квартальный», завоевал симпатии Герцена. Последний пришел в неописанный восторг, горячо обнял Горбунова, расцеловал его и подарил на память фотографическую карточку, где он снят с Огаревым.

По воспоминаниям современника, очень тепло отзывался о таланте Горбунова-рассказчика Л. Н. Толстой: «Горбунов подобен плотнику, который, натянув белую нитку, намеча-

ет черту и рубит по ней. Вот-вот сорвется... в шарж, но. нет – как искусный мастер остается на верной черте. Чистая работа!»

А. П. Чехов писал: «Горбуновский рассказ, несмотря на незатейливую, давно уже заезженную тему, хорош – форма! Форма иного значит...» По свидетельству современника, он сказал о Горбунове по-чеховски кратко и выразительно: «Чует человек Россию!»

Необыкновенный талант, создатель целого направления в русской эстраде, автор поэтических рассказов в лицах, полных юмора, мягкой иронии, а порой и сатиры, создатель оригинального образа Дитятина, неподражаемый Иван Федорович Горбунов, по словам Мусоргского, «не умрет, а будет вовек жить в русской земле».

Вся история русской эстрады в жанре устного рассказа прошла под знаком горбуновских традиций. Всенародное признание И. Ф. Горбунова и путь, проложенный им на эстраде, обусловили появление таких выдающихся рассказчиков, как В. Н. Андреев, Бурлак, В. Н. Давыдов. Для всех актеров-рассказчиков творчество Горбунова стало образцом и символом

подлинно художественной эстрады. Актерские заветы Горбунова сохранились не только в воспоминаниях и устных преданиях, но и в его сценках, где так и слышится голос самого Горбунова. Достаточно вспомнить, с каким успехом читал И. М. Москвин сцену «У Пушки», Владимир Хенкин – монологи «Тенериф» и «Нана», а артист Малого театра В. Ф. Лебедев – многие рассказы Горбунова.

Виртуозная исполнительская техника, живописное рассказывание и импровизация отца русской эстрады И. Ф. Горбунова живет и ныне – и в устных рассказах Ираклия Андроникова, и в басенном перевоплощении Игоря Ильинского, да и в каждом чтеце, который стремится быть актером, передающим не букву, а душу написанного. Изучение творческого опыта И. Ф. Горбунова, приобщение к его самобытнейшему дарованию пробудит, будем надеяться, новых достойных преемников редкостного и веселого таланта этого замечательного рассказчика.

Горбунов будет всегда памятен нам и как историк русского театра и первый его музеограф. В фойе Александринского театра на

свои средства он создал первый театральный музей России. Сам выходец из крестьян, Иван Федорович Горбунов любил водить по своему музею посетителей и, показывая на портреты знаменитых актеров, с гордостью за русский народ говорил: «Крестьянин!.. Крестьянин!.. И это крестьянин!..»

Н. СВЕРЧКОВ.

Примечания

С чтением сцен из народного быта И. Ф. Горбунов выступил впервые в Москве в 1853 году в кружке «молодой редакции» журнала «Москвитянин» (А. Н. Островский, А. А. Григорьев, П. М. Садовский, Б. Н. Алмазов, Е. Н. Эдельсон, Т. И. Филиппов и другие).

«Е. Н. Эдельсон стал мне давать небольшие книжки для рецензии в «Москвитянине», – пишет Горбунов в воспоминаниях. В неопубликованном письме Е. Н. Эдельсону, хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, Горбунов пишет: «...прошу выслать деньги за мою работу в «Москвитянине» (Фонд 1951, опись 1, ед. хр. 4). Это и были первые печатные выступления И. Ф. Горбунова. Но установить, какие рецензии были написаны им, не удалось. Маленькие рецензии в 1853–1855 годах в отделе «Критика и библиография», как правило, были анонимными.

В сентябрьском номере «Отечественных записок» за 1855 год – дебют в печати Горбунова-рассказчика: сцены из купеческого быта

«Просто случай». Горбунов помешал свои произведения в журналах «Современник», «Искра», «Общезанимательный вестник», «Осколки», «Русская старина», «Русский вестник», «Русский архив», «Нива», «Еженедельное новое время», в литературном сборнике русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии «Складчина» (1874), в газетах «Новое время», «Северная пчела», «Санкт-Петербургские ведомости», «Гражданин», «Новости», «Московский листок», «Русское дело».

В 1861 году в Петербурге выходит первый сборник Горбунова «Сцены из народного быта», включивший восемь произведений. Дополнявшиеся переиздания этого сборника выходили в 1868, 1870, 1873, 1874 годах. Самое полное прижизненное издание Горбунова – «Сцены и рассказы» – осуществил в 1881 году А. С. Суворин. Было отпечатано несколько сот экземпляров на толстой бумаге, с большими полями, в дорогом, с золотым тиснением переплете. В этом сборнике помещено 35 произведений.

Все прижизненные издания Горбунова ста-

ли библиографической редкостью.

В 1901 году в приложении к журналу «Нива» А. Ф. Маркс под редакцией и с предисловием А. Ф. Кони напечатал Полное собрание сочинений, выдержавшее три издания. В этом двухтомнике далеко не все произведения писателя, в нем нет переписки.

В 1904–1910 годах Общество любителей древней письменности издает под редакцией П. С. Шереметева Сочинения Горбунова в трех томах – дорогое подписное издание большого формата, с множеством рисунков и фотографий. А. Ф. Маркс, купивший у наследников право на издание Горбунова, разрешил Обществу издать всего 500 экземпляров по цене не менее 15 рублей. Это самое полное издание. Здесь помещено 76 произведений Горбунова, его переписка, дневники, воспоминания о нем, материалы для биографии; ко второму тому приложен юмористический «Ватерпас» – «газета уравнивательная для всех партий» (№ 1, 2).

Это было последнее дореволюционное издание. После 1917 года издавались только отдельные произведения и небольшие реперту-

арные сборники. Рассказы Горбунова в советское время неоднократно включались в вузовские хрестоматии и различные тематические сборники.

Популярность рассказов Горбунова породила многочисленных устных и даже печатных подражателей. В 1871 году выходят поддельные «Сцены из народного быта Горбунова» в трех частях, без инициалов автора, с подзаголовком «Для рассказов на сцене и семейных вечерах». Издание носило коммерческий характер и было рассчитано на дешевый эффект, что и возмутило всех почитателей И. Ф. Горбунова. Эта подделка выдержала 10 изданий. На последнем, напечатанном со старых матриц в 1923 году, на обложке ошибочно поставлены инициалы автора: И. Ф. Горбунов.

Рукописи Горбунова не сохранились. Тексты рассказов «Затмение солнца», «У пушки», «Воздухоплаватель», «Мастеровой», «У квартального надзирателя», «У мирового судьи», «Развеселое житье», «Просто случай», «Спрятался месяц за тучи», «На почтовой станции», «Громом убило», «Безответный», «Лес», «Утоп-

ленник», «На реке», «Медведь», «Из московского захолустья» даются по последнему прижизненному изданию Горбунова – «Сцены и рассказы», Спб., 1881.

«С широкой масленицей», «Об Саре Бернар», «Тенериф», «В деньгах счастье», «Общее собрание общества прикосновения к чужой собственности», «Гост генерала Дитятина», «Белая зала», не вошедшие в издание 1881 года, даются по газетным и журнальным публикациям.

«Речь, сказанная генерал-майором Дитятиным при освящении танцевальной залы...», «Письмо из Бузулука», «Приезд шаха персидского», впервые напечатанные в издании Общества любителей древней письменности, и рассказы «Жестокие нравы», «Нана», «Травиата», «Из московского захолустья» (I. «Иверские юристы», II. «Широкие натуры»), «Перед лицом графа Закревского», «Дьявольское наваждение», первая публикация которых неизвестна, даются по тексту Сочинений, т. 1–3, Спб., 1904–1910. По этому же изданию даются и «Воспоминания», которые хотя и печатались в газете «Новое время», но в Сочинениях

они значительно дополнены по неизвестной нам рукописи.

Указание на первую публикацию дано после каждого рассказа.

Произведения Горбунова в настоящем издании расположены не по хронологическому, а по тематическому принципу, так как все они распадаются на весьма определенные тематические группы: «Сцены из городской жизни», «Сцены из купеческого быта», «Сцены из крестьянского быта», составившие в настоящем издании раздел «Сцены из народного быта». Совершенно особняком стоят речи и письма генерала Дитятина. Отдельные группы составляют «Очерки о старой Москве» и личные воспоминания артиста.

В подзаголовке своих рассказов Горбунов всегда подчеркивал их тематику: «Сцена из крестьянского быта», «Сцена из купеческого быта», «Рассказ купца», «Сцена из московского захолустья» и т. д., и не придерживался хронологического принципа в прижизненных изданиях. Произведения в «Сценах из народного быта» (1861–1874 гг.) расположены не по времени написания, а в порядке появле-

ния их в печати. И рассказы, которые слышала вся Россия на концертах Горбунова, по многу лет оставались не напечатанными.

Не придерживался Горбунов хронологического принципа и в последнем прижизненном издании «Сцены и рассказы» 1881 года. Редактор Полного собрания сочинений И. Ф. Горбунова (т. 1–2, Спб., 1901) А. Ф. Кони впервые разбил произведения Горбунова на тематические группы. По этому же принципу составлено и самое полное, академического типа, издание И. Ф. Горбунова под редакцией П. С. Шереметева – Сочинения, т. 1–3, Спб., 1904–1910.

Распределение произведений по хронологическому принципу не облегчило, а только затруднило бы восприятие и изучение творчества И. Ф. Горбунова.

Примечания

В журнале «Еженедельное новое время» (1879, № 6–7) рассказ начинался описанием места действия:

«Московское захолустье, одно из тех, где деревянные заборы, деревянные дома на каменном фундаменте и где древность первопрестольного града доказывается пребыванием на улице домашней птицы и свиней. На улице толпа народа».

[^^^]

Один из самых ранних рассказов И. Ф. Горбунова. Журнальный вариант («Общезанимательный вестник», 1857, № 13), в котором много разночтений с каноническим текстом, назывался «Любознательные» и начинался со спора фабричных о том, где лучше провести свой отдых – «разгуляться».

– Куда, ребята?

– Разгуляться вышли.

– Пойдемте в Кремль.

– Ничего, пойдемте.

– Нет, ребята, это опосля дело будет, а таперича пойдемте к Семену Алексеичу в Низок [В трактир, (*Прим, И. Ф. Горбунова*)], соловья послушаем, три пары выпьем, а там...

– Коего черта соловьев слушать! Велика эта птица...

– Известно, если кто этого чувствовать не может, тому все одно.

– Ну да, подводи резоны-то... Пойдемте, ребята, в Кремль.

– Нам все одно.

(В Кремле останавливаются перед Царь-

пушкой)

[^^^]

Один из самых ранних рассказов И. Ф. Горбунова. В журнале «Общезанимательный вестник» (1857, № 1) рассказ начинался ремаркой автора:

«Мастеровой мужик, живущий на фабрике, пришел к своему хозяину сказать, что он женится. Отворил дверь и, видя, что никого нет в комнате, начинает кашлять, чтобы этим дать почувствовать свое присутствие. Хозяин входит».

[^^^]

Первый рассказ И. Ф. Горбунова создан в 1853 году. Впервые опубликован в журнале «Общезанимательный вестник» (1857, № 1) под заголовком «Сцена из домашней жизни квартального надзирателя».

[^^^]

5

...Управа благочиния – учреждение, ведающее городской полицией.

[^^^]

Карамболь – бильярдный термин, означающий особый удар по шару, при котором назначенный шар поражается рикошетом от столкновения с другим шаром. На купеческом жаргоне слово «карамболь» означало крупный скандал.

[^^^]

Три синеньких – три пятирублевые ассигнации.

[^^^]

8

Болвановка – местность в Замоскворечье.

[^^^]

9

Трынка – азартная карточная игра.

[^^^]

«Яр» – московский ресторан за Тверской заставой.

[^^^]

Городовыми называются иногородние купцы в Москве. – *И. Г.*

[^^^]

Фараоны – презрительная кличка полицейских.

[^^^]

«Фру-фру» – комедия Г. Мельяка и А. Галеви, одна из самых популярных пьес провинциального репертуара.

[^^^]

Аделина Патти (1843–1919) – известная итальянская певица.

[^^^]

Канцеляри – искаженная фамилия знаменитого итальянского певца – тенора Энрико Кальцолари (1823–1888).

[^^^]

Зимой 1881/82 года в России гастролировала знаменитая французская драматическая актриса Сара Бернар (1844–1923). Горбунов, кроме печатаемой в настоящем издании сценки, посвятил ее гастролям два фельетона «Съезд бернардистов» и «Я у Сары Бернар», в которых высмеиваются газетные рецензенты и театральные деятели, дававшие ее игре неумеренно восторженные оценки.

[^^^]

Руснет – русский, с грубо выраженными шовинистическими взглядами, квасной патриот.

[^^^]

Нана – героиня одноименного романа Э. Золя.

[^^^]

Бибелью али Чикминей – искаженное название священных книг Библии и Четьи-Минеи.

[^^^]

«Нана» выставлена. – Речь идет о картине художника Сухоровского «Нана».

[^^^]

Бебелина – греческая партизанка, героиня войны с турками 1821–1828 годов.

[^^^]

Бобковая мазь – мазь (масло) из плодов лаврового дерева.

[^^^]

Кузнецов А. К. – крупный московский фабрикант, приятель И. Ф. Горбунова.

[^^^]

Тиро! – охотничий сигнал, предупреждающий о появлении зверя.

[^^^]

Фолетор – искаженное слово «форейтор» – кучер, сидящий на передней лошади в упряжке цугом.

[^^^]